

XXXIX г.

№ 11

Выданъ 15-го марта 1908 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Г. УСПЕНСКАГО, Г. ГАУПТМАНА и гр. А. ТОЛСТОГО, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/4 года 4 р., на 1/2 года 2 р.

г. XXXIX

1908

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Въ этомъ № прилагается: „Полнаго собранія сочин. Гергарта Гауптмана“ кн. 3.

Открыта подписка на „И В У“ 1908 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ:

полное собраніе сочиненій, въ 28 книгахъ, полное собраніе сочиненій, въ 10 книгахъ, „Дневникъ“ и „Письма“, въ двухъ книгахъ,
ГЛѢБА УСПЕНСКАГО, ГЕРГАРТА ГАУПТМАНА, гр. АЛЕКСѢЯ ТОЛСТОГО.

Безъ достав- ки въ Петер- бургъ . . .	6.50к.	Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ. Петровскія линіи. .	7р. 25к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Рашельевская, 12	7р. 50к.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ . .	7.50к.	Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи. . .	8р.	За границу. 12 р.
---	---------------	---	-----------------	--	-----------------	--	---------------	--	------------	----------------------

Для гг. новыхъ подписчиковъ, желающихъ получить при „Нивѣ“ 1908 г. со всѣми вышеозначенными приложеніями еще 10 книгъ соч. гр. А. К. Тол-
стого, приложенныя къ „Нивѣ“ 1907 г., подписная цѣна: 1) Безъ доставки въ СПБ.—8 р. 50 к.; 2) Съ дост. въ СПБ.—10 р.; съ пересылкою во всѣ мѣ-
ста Россіи—10 р. 50 к. за годъ, или по 1/4 г.: за первую 1/4 г. 4 р. 50 к. и за остальныя по 2 р.; 4) За границу—14 р. 50 к.

По старинѣ. Картина В. А. Плотникова (Весенняя выставка 1907 г. въ Академіи Художествъ, въ С.-Петербурѣ).

Степь грезить.

Романъ

Ал. Н. Будищева.

(Продолженіе).

XXII.

На желтомъ лицѣ Стуколкина выступили блѣдно-розовые пятна, и онъ поглядывалъ на Степу своими маленькими сверлящими глазами съ выраженіемъ глубочайшаго презрѣнія. Онъ даже раздѣлил на-двое свою маленькую съдую бородку, что обыкновенно онъ продѣлывалъ только въ гостяхъ, въ особо торжественныя минуты.

— А ты что же,—спросилъ онъ наконецъ Степу:—ужели и впрямь себя за брильянтовый перстенецъ считаешь? За рубиновый глазочекъ въ золотой оправочкѣ? Ну что же ты молчишь, курочка?

Онъ снова сжалъ въ кулакъ свою бородку, придавъ ей видъ смиреннаго клнышка, и обычное выраженіе сладковатой насмѣшки вновь засвѣтилось на его лицѣ.

Степа повелъ мутными глазами и зашевелился, точно сбрасывая съ себя оцѣпенѣніе.

— Вотъ вы всяческими словами меня обзываете,—заговорилъ онъ, уже называя Андрея Ивановича, какъ всегда, «на вы» и, видимо, понемногу возвращаясь къ холодному самообладанію:—всяческими неприятными именами, а о самой сути, я вижу, умышленно умалчиваете. О самой дѣловой сути!

— То-есть?—спросилъ Стуколкинъ.

— То-есть ужели не догадываетесь, о чемъ?—отвѣчалъ Степа со скорбнымъ упрекомъ.

Они стояли другъ противъ друга, раздѣленные шестью-семью шагами, вырисовываясь среди этой комнаты какъ двѣ мутныя тѣни, выхваченныя изъ какого-то бреда. Степѣ не шутя казалось мгновеньями, что все это происшествіе есть лишь бредъ нелѣпой комнаты.

— И опять-таки ужели не догадываетесь?—между тѣмъ снова воскликнулъ Степа съ горькимъ упрекомъ.

— Даже ни Боже мой! Ни о чемъ не догадываюсь!—пожалъ плечами Стуколкинъ съ самымъ искреннимъ видомъ.

— Относительно сути?—воскликнулъ Степа:—и моихъ намѣреній по отношенію вотъ къ этой вотъ самой подвижности?—вопросительно указавъ онъ на свертки, обернутыя синей бумагой.

«Сколько ихъ здѣсь?» — опять горячо пронеслось въ немъ, будоража и дразня его.

Стуколкинъ рѣшительно и рѣзко проговорилъ:

— Какія могутъ быть твои намѣренія, я могу опредѣлить даже съ точностью! Какъ календарь!

— Ну, какія?—допытывался Степа, вытягивая шею и все еще указывая на свертки.

Стуколкинъ также рѣшительно отвѣтилъ:

— Извѣстно какія. Ты останешься при собственныя своихъ намѣреніяхъ, а я при всѣхъ моихъ достояніяхъ!

— Вотъ какъ!—судорожно улынулся Степа, весь двигаясь.

— А ты развѣ по-иначе какъ думаешь?

Андрей Ивановичъ съ недоумѣніемъ оглядѣлъ его.

— Даже совсѣмъ по-иначе!—воскликнулъ Степа, вдругъ весело оживляясь и ощущая ванауущественную потребность поскорѣ перейти, такъ сказать, отъ драмы къ водевилю. Вопросъ Стуколкина точно его обнадежилъ. Теперь ужъ его щеки загорѣлись румянцемъ.

— Я думаю даже совсѣмъ по-иначе!—повторилъ онъ совсѣмъ весело.

— Напримѣръ, какъ?—спросилъ Стуколкинъ какъ будто дѣловито.

— Напримѣръ, все достояніе исподу!—воскликнулъ Степа, указывая на свертки.

Старикъ содрогнулся.

— Чего?—переспросилъ онъ, точно недослышавъ.

— Исподу!—заревѣлъ Степа, но весело, точно съ хохотомъ.

Стуколкинъ какъ-то весь ослѣлъ. Мгновеніе онъ молча разглядывалъ Степу, какъ бы желая хорошенько прикинуть на

вѣсы все его содержаніе. А потомъ онъ холодно и тихо разсмѣялся.

— А засоренія желудка у тебя отъ этого не случится?—спросилъ онъ Степу съ насмѣшкой. — Отъ этого испольнаго раздѣла?

Степа пожалъ плечомъ.

— Я, Андрей Ивановичъ, не столь жаденъ, какъ иные прочіе. Могу и уступить!

— Сколько?—дѣловито спросилъ Стуколкинъ.

— Сколько будетъ, то-есть, моей уступки?—обрадовался Степа.

— Ну да! Ну да! — сердито заволновался старикъ. — Не о галчиныхъ же яйцахъ стану я съ тобой языкъ трепать?

— Моей уступки будетъ вотъ сколько...—Степа замѣшкался, на минуту углубляясь въ расчетъ. — Вотъ сколько. Рѣшусь снискать до одной трети. Двѣ трети ваши, одна треть—моя. Какъ это полагается по закону, за находку,—вдругъ добавилъ Степа, точно обрадовавшись этой своей счастливой ссылкой на законъ.

— Изъ всѣхъ моихъ благополучій?—воскликнулъ старикъ. — И тебѣ ѣдную треть?

— Какъ за находку!

— Въ чужомъ карманѣ находокъ не бываетъ,—огрызнулся старикъ. — И меня законами морочить нечего.

— Примите, Андрей Ивановичъ, къ свѣдѣнію,—перебилъ его Степа, однако съ почтительностью на лицѣ:—что если я сумѣю въ эти каменные дебри проникнуть, то стало-быть всѣ эти достоянія, обернутыя сахарной бумагой, мнѣ въ достаточной степени знакомы!

— И принимаю!—сердито воскликнулъ Стуколкинъ. — И очень даже принимаю къ свѣдѣнію! И ты меня не учи!

— А если принимаете, такъ намъ и надобно поскорѣ это дѣло пошабашить. Для обоюдной выгоды,—замѣтилъ Степа.

— Ну, положимъ, что моя выгода здѣсь пустяковая: заводскаго рысака зарѣзалъ, чтобъ шкуру продать!—гнѣвно усмѣхнулся Стуколкинъ.

Степа съ соболѣзнованіемъ воскликнулъ:

— Что дѣлать! Что дѣлать! Бываетъ, и пшеницу градомъ выбиваетъ! Все-таки не мѣшало бы намъ эту операцію прикончить для удовольствія сторонъ.

Онъ подумалъ и добавилъ:

— Извольте. Снисходя къ нашему давнему знакомству, я согласенъ уступить даже и еще.

— Сколько?

— Согласенъ получить одну четверть. Даже одну пятую,—добавилъ Степа шопотомъ. — Одну пятую!

«Сколько же это попадетъ на мою долю?» — погрузился онъ въ расчеты.

— Даже помирюсь и на одной пятой!—громко повторилъ онъ послѣ своихъ выкладокъ:—на одной пятой. Но на этой цифрѣ, вѣрьте совѣсти, я замерзъ и недвижимъ!

— Какой совѣсти я долженъ вѣрить?—спросилъ его Стуколкинъ съ раздраженіемъ:—твоей или моей?

— Нашей испольной,—ядовито отвѣтилъ Степа.

Стуколкинъ весь заволновался.

— Ничего ты отъ меня не получишь, лебедушка,—закричалъ онъ, задыхаясь отъ гнѣвнаго приступа. — Ничего! То-есть даже ни единого перышка!

— Д-да?—словно простоналъ Степа. — А если я донесу!—выкрикнулъ и онъ. — А если я донесу слѣдователю и становому!

По лицу старика прошла мелкая дрожь, и его глазки сверкнули бѣдой насмѣшкой.

— Слѣдователю и становому? На меня донесешь?—спросилъ онъ Степу, точно издѣваясь надъ нимъ. — Нѣтъ, ты на меня ни во вѣки вѣковъ не донесешь! Никогда! Ни во вѣки! Ни за что!—восклицалъ онъ хрипавато.

— Это почему? — удивился Степа, снова точно чего-то пугаясь.

Слишком высокомерный тонъ старика видимо обезкураживалъ его, надламывая его силы.

— Никогда не донесешь! — надменно выбрасывалъ ему въ лицо Стуколкинъ. — Почему? Изволь, могу тебѣ и это объяснить. Изволь! Во-первыхъ, потому, что предержавшая власть тебѣ за это не синя пороха не заплатитъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, потому, что ты отъ меня безъ своего доноса всегда какой-нибудь подачки можешь все-таки хоть въ мечтѣ ожидать. И ты очень хорошо понимаешь, что этимъ своимъ доносомъ ты только вотъ что непоправимо сотворишь: собственную свою надежду, кровную и единственную, безразсуднымъ ножомъ зарѣжешь. А на это у тебя рука не поднимется, — не поднимется, да! И потому не поднимется, что ты денегъ этой самой больно ужъ крѣпко отравленъ! Слышалъ? Очень ужъ крѣпко отравленъ! Постой! Не перебивай ты меня, сдѣлай милость! — досадливо махнулъ онъ рукой на Степу, который какъ будто шевельнулся, желая возражать. — Постой! А въ-третьихъ, — заговорилъ онъ опять вразумительно: — ты на меня не донесешь еще и потому, что побоишься, какъ бы я тебя самого въ эту уголовную исторію не впуталъ. Что если да я и впрямь скажу: ужъ если ты меня топишь, такъ давай тогда вмѣстѣ ко дну идти! Понялъ?

— Этого я не побоюсь ни во вѣки вѣковы! — перебилъ его Степа.

— Все можетъ быть, — съ строгой озабоченностью согласился съ нимъ и Стуколкинъ: — но третья причина не есть первенствующая. Главенство остается за второй причиной: свою золотую надежду ты собственноручно зарѣзать не сможешь! Ибо отравленъ денегъ! И, глядишь, ты ко мнѣ еще пять лѣтъ изо дня въ день ходитъ будешь и каждый день эту со мною торговлю вести, пока не снизойдешь до полетопочки! Понялъ? До ничтожной полетопочки! Не топырься! — крикнулъ онъ съ досадой на Степу: — развѣ я не вижу, что ты ко всей этой кредитной мануфактурѣ, — махнулъ онъ рукой на синіе свертки: — четырьмя канатами привязанъ! Эхъ, голубы! Гдѣ-жъ тебѣ ихъ теперь развязать? То-есть все эти кандалыныя путы!

Стуколкинъ покрутилъ головой почти съ соболѣзнованіемъ на лицѣ. И Степа чувствовалъ правду въ рѣчахъ старика.

«Это вѣрно, — шатнулось въ немъ тоскливо: — меня съ этими свертками въ могильномъ склепѣ замуrowали. Гдѣ ужъ мнѣ выбраться?»

Будто холодный ужасъ дохнулъ ему въ лицо, и онъ съ трудомъ вернулъ къ себѣ самообладаніе.

— До полетопочки, положимъ, что я не снизойду, — проговорилъ онъ твердо. И, припомнивъ о своей мечтѣ, онъ пояснилъ: — Ибо не имѣю на то никакихъ полномочій. И если вы падѣтесъ только на это, Андрей Ивановичъ, — играйте скорѣе назадъ! Въ этой кадрили я не танцую! Но на уступки я, конечно, пойду и еще.

— Сколько же будетъ этой твоей уступки? — спросилъ его Стуколкинъ строго.

За свои разоблаченія согласенъ получить съ васъ двѣнадцать стоппъ, — отвѣчалъ Степа, стараясь сдѣлать свой голосъ рѣшительнымъ какъ звонъ стали. Но, тиснетно подождавъ отвѣта, онъ добавилъ: — или десять! 10! Ну, десять! Десять!

— Ухъ, усталъ я совсемъ, старичишка, съ тобой, — вдругъ вздохнулъ Стуколкинъ.

Онъ прыгнулъ къ столу, простому и некрашенному, похожему на кухонный, досталъ изъ-подъ него табуретъ и сѣлъ на него, облакачиваясь рукою на столъ.

— Ну, десять, десять, — твердилъ умоляюще Степа.

Ему казалось, что онъ видитъ на лицѣ Стуколкина какъ бы выраженіе мягкой снисходительности, и это его подбадривало.

— Десять! Ну, Андрей Ивановичъ, — повторилъ онъ еще разъ скорбно.

Старикъ понуро сидѣлъ какъ бы до-нельзя утомленный, но его скользкій и быстрый взглядъ то и дѣло зорко метался въ сторону Степы. Такъ съ виду совсемъ безучастная и скромная кошка слѣдитъ за мышью, съ которой она играетъ. Но Степа еще не чувствовалъ этой игры. Не предвидѣлъ.

«Усталъ старикъ», — думалъ онъ опять, и это сознаніе оживляло его надежды.

— Ты вотъ смотришь на меня и, небось, думаешь, — между тѣмъ вдругъ заговорилъ Стуколкинъ: — откуда и какъ этакій лукавенькій старичишка на свѣтъ Божій вынырнуть только могъ? Небось, думаешь? — спросилъ онъ Степу. — Вотъ я по лицу твоему вижу: думаешь и именно объ этомъ! Откуда, дескать, такая лисья мордочка на свѣтъ Божій только вынырнула. И изволь! Я тебѣ сейчасъ твое любопытнѣшко удовлетворю. Вотъ откуда я свое лѣтоисчисленіе веду! Слушай!

Старикъ весь выдвинулся къ Степѣ, и изъ его горла вырвалось пронзительными и тугими нотами:

— Изъ ра-а-бства! Изъ сме-е-рдства! Изъ холо-о-дства! Изъ-подъ крѣпостной палки!

Онъ снова весь подобрался, облакачиваясь на столъ и видимо пробуя унять охватившее его волненіе.

— Кто былъ я? — выкрикнулъ онъ затѣмъ: — рабъ! смердь! Занятный лакей Андрюшка. Не Андрей, не Андрей Ивановичъ, помилуй Господи, а Андрюшка! И кто я теперь? Ага? Понялъ? По-нялъ? — вытягивалъ старикъ возбужденно.

Чуть передохнувъ, онъ продолжалъ:

— Христіанскій символъ вѣры я самоучкой выучилъ. Это такъ. Ну, а крѣпостной или вообще рабій символъ вѣры мнѣ безъ всякаго моего желанія на спинѣ кнутомъ выгравировали! И теперь посуди ты самъ: на какой путь я долженъ былъ перекинуться, чтобы въ себѣ человѣческую гордость сохранить? Да ты цыцъ! — вдругъ неистово завопилъ онъ на Степу, который какъ бы сдѣлалъ порывистое движеніе впередъ. — Ближе шести шаговъ ко мнѣ не приближайся! А не то быть здѣсь худу!

Съ этимъ окрикомъ Андрей Ивановичъ выдвинулъ ящикъ стола, досталъ оттуда чрезвычайно длинный единственный пистолетъ и внушительно показалъ его Степѣ.

— Вотъ видѣлъ, — добавилъ онъ строго. — Я только на шесть шаговъ съ тобой желаю разговаривать, а въ болѣе близкія отношенія съ тобой не вступая. Понялъ? Я не желаю! — высокомерно заявилъ старикъ.

— За кого вы меня принимаете? — горячо вырвалось у Степы. — Не за Николая угодника! Не беспокояйся! — огрызнулся старикъ.

Степа прилипъ къ стѣнѣ на прежнемъ своемъ мѣстѣ. А Стуколкинъ неторопливо сунулъ свой долговязый пистолетъ въ ящикъ стола и задумчиво потеръ себѣ лобъ.

— На чемъ, бишь, я остановился-то? — спросилъ онъ затѣмъ Степу спокойно. — Да, бишь, по поводу моего житія! Такъ вотъ кто я былъ и кто я сталъ! Когда чистъ былъ, былъ Андрюшкой, а занявшись кредитной мануфактурой званіе уважаемѣйшаго Андрея Ивановича заслужилъ! Кто тутъ главный виновникъ всей этой оказишки, размазывать не буду, но только укажу, что, пока свѣтъ выше всѣхъ боговъ единый кредитный билетъ почитаетъ, Андрей Ивановичи Стуколкины навсегда найдутся. Прими къ свѣдѣнію, что, пока живъ чибисъ, чибисей хохоль — не диковинка. Эй, Степочка. — вдругъ выкрикнулъ старикъ сладко: — эй, степная горлячка, когда тебѣ доведется носикъ въ лихой часъ отморозить, не пеняй на ртуть въ термометрѣ, а выругай хорошенечко стужу!

Старикъ погрозилъ даже Степѣ пальцемъ и, крѣпко облакотясь на крышку стола, замолчалъ. Степа молчалъ тоже. Только свѣтъ свѣча уныло бродилъ по полкамъ комнаты, точно монотонно пересчитывая скучные свертки. Прошла минута, пять, десять, а старикъ не мѣнялъ позы.

«Что же это онъ о моей-то уступкѣ ни гу-гу?» — уныло и вяло подумалъ Степа, чувствуя утомленіе.

Но старикъ попрежнему молчалъ, будто погруженный въ думы или въ воспоминанія.

— Андрей Ивановичъ, — наконецъ позвалъ его Степа устало. — Андрей Ивановичъ, я согласенъ помириться съ нами на десяти стопахъ. Какой же вашъ будетъ на то отвѣтъ?

— Чего? — переспросилъ Стуколкинъ, точно просыпаясь.

— Десять стоппъ, — повторилъ Степа.

— Восемь, — рѣзко выкрикнулъ старикъ: — восемь! Довольно съ тебя и восьми. И то на строжайшихъ условіяхъ!

— На какихъ? — спросилъ Степа.

— Четыре стопы ты получишь завтра...

— Сейчасъ, — поправилъ его Степа. — Не завтра, а сейчасъ.

За стѣной. Картина П. Море.

— Завтра.—упрямо повторилъ старикъ.—А четыре черезъ мѣсяцъ.

Степа хотѣлъ-было оспаривать эти условія, но вдругъ почувствовать себя до-нельзя утомленнымъ.

— Хорошо, — согласился онъ внезапно, точно даже помимо своей воли.

— Ну так и уходи отсюда!—крикнулъ ему старикъ сердито.—Впрочемъ, постой,—позвать онъ опять Степу.—И еще мои условія вотъ каковы: завтра же ты мнѣ Расскажешь, какимъ-такимъ способомъ ты о моей мануфактурѣ проникнешь.

— Хорошо.

— И также о томъ, что ты съ этой мануфактурой намѣре-ваешься предпринять?

Степа криво усмѣхнулся:

— А вы что съ ней дѣлаете?

— Пасьянсы ей раскладываю!—огрызнулся Стуколкинъ.

— Хорошо. Я согласенъ на все это,—буркнулъ Степа и, повернувшись, пошелъ вонъ изъ этой душной комнаты.

И онъ видѣлъ, что Стуколкинъ провожаетъ его, слѣдуя за нимъ въ шести шагахъ, съ пистолетомъ и свѣчою въ рукахъ.

Соборъ. Картина К. О. Юона (Выставка Союза Русскихъ Художниковъ 1907 г. въ Академіи Художествъ, въ С.-Петербурѣ).

— Завтра. Вь часть ночи. Здѣсь, у дверей кладовой,—диктовалъ онъ Стенѣ условіе и такимъ тономъ, точно ругалъ его. Во всякомъ случаѣ этотъ тонъ соответствовалъ болѣе побѣдителю.

А выпроводивъ его за дверь кладовой, онъ выкрикнулъ ему всѣ три французскихъ слова, которыя онъ зналъ:

— Au revoir! Merci! Tres joli!

Степа вспомнилъ: недавно этотъ старикъ, уѣзжая въ городъ, вотъ такъ же кричалъ ему что-то по-французски и даже желалъ ему полнѣйшаго успѣха.

«На что тогда онъ намекалъ? — подумалъ Степа: — и въ чемъ именно онъ мнѣ желалъ успѣха? Наверно въ моихъ ухаживаніяхъ за Дарьей Архиповной! — рѣшилъ онъ. — Наверное ужъ это такъ!»

И воспоминаніе объ этой женщинѣ сладко взволновало его. Онъ устало потянулся и быстро двинулся въ путь.

«А Дарья Архиповна, поди, теперь сладко-разладко спать», — подумалъ онъ вдругъ, прыгая черезъ узкій ручей, дымившійся въ теплыхъ сумеркахъ.

Въ полѣ радостно свѣтало.

XXIII.

Степа очень боялся какого-нибудь подвоха со стороны Стуколкина и весь слѣдующій день точно горѣлъ на медленномъ огнѣ. То обстоятельство, что Стуколкинъ намѣревался выдать ему обѣщанное не все сразу, собственно его не беспокоило. Онъ хорошо понималъ, что старикъ боится, какъ бы онъ, Степа, не влетѣлъ со своей этой «кредитной мануфактурой» на первыхъ же своихъ шагахъ. И хотѣлъ сперва, такъ сказать, убѣдиться въ способностяхъ Стены по этой части.

— Все равно отъ обѣщаннаго ему не отвяльнуть. Вѣдь онъ какъ-никакъ въ моихъ рукахъ! — убаждалъ себя Степа.

Но все-таки какія-то тайныя предчувствія и боязнь самыхъ неожиданныхъ подвоховъ пощипывали его сердце, когда онъ ночью, въ условленный часъ, шелъ къ каменной кладовой Андрея Иваныча. Что же касается до его собственныхъ намѣреній и плановъ по отношенію вотъ къ той «мануфактурѣ», то Степа не смогъ бы отвѣтить на это хотя сколько-нибудь опредѣленно. По этому поводу онъ говорилъ себѣ такъ:

— Лишь бы заполучить въ свои руки все обѣщанное полностью. А дальнѣйшее можно будетъ подробно обдумать и обсудить. Все же и подобіе денегъ больше совершеннѣйшаго нуля!

Между тѣмъ, когда онъ подошелъ къ каменнымъ стѣнамъ кладовой, онъ тотчасъ же увидѣлъ сутулую и сухопарую фигуру Андрея Иваныча. Старикъ уже видимо поджидалъ его. Онъ стоялъ внутри кладовой, но у самой распахнутой двери. Рядомъ съ нимъ былъ поставленъ табуретъ, на которомъ Степа сейчасъ же поймалъ взоромъ четыре синихъ свертка, аккуратно перевязанныхъ бечевкой, и еще что-то, непріятно мигнувшее подъ тусклымъ свѣтомъ мѣсяца и походившее какъ будто на длинное дуло пистолета.

«И опять онъ со мной, какъ съ разбойникомъ. Черезъ пистолетъ разговариваетъ!» — непріятно кольнуло его.

Съ угрюмой улыбкой онъ сказалъ старику:

— Вотъ вы ко мнѣ съ пистолетомъ за пазухой выходите, а я къ вамъ съ голыми руками иду! Вотъ хоть обыщите всѣ карманы!

— А ты зачѣмъ меня съ собой ровняешь, голубушка? — спросилъ его Стуколкинъ сухо: — вѣдь я же подъ твою кладовую подкоповъ не подводилъ? Да, можетъ, у меня и ключи-то отъ кладовой ты же укралъ? — вдругъ уставилъ онъ на Степу свои глаза, колющіе какъ шило.

Степа смутился.

«Не для себя я такъ вымазался весь! Не для себя!» — хотѣлось ему выкрикнуть мучительно.

Но старикъ бросилъ въ эту минуту къ его ногамъ первую стопу. И высокомерно бросилъ, какъ облизанной собакой обглоданную кость.

— Получай переводъ изъ Тульскаго поземельнаго! — крикнулъ онъ ему рѣзко и по-сыниному. — А это изъ Волжско-Камскаго коммерческаго, — лукнулъ онъ ему и вторую стопу. — А это изъ Учетно-Суднаго!.. А вотъ это изъ банкирской конторы Облапошьева съ сыновьями!

Третья и четвертая стопа шлепнулись у ногъ Стены.

— Все? — спросилъ его старикъ, подбочивавшійся.

Тусклый свѣтъ мѣсяца ударилъ ему въ лицо, и Степа видѣлъ, какъ колебалось все это лицо мелкой дрожью, полной самой ѣдкой насмѣшки.

Въ своихъ широчайшихъ шароварахъ и синей распоясанной рубахѣ онъ былъ прямо-таки живописенъ.

— А остальные четыре? — спросилъ его Степа хмуро, вдругъ почувствовавъ къ нему удушливую ненависть.

— Получишь черезъ мѣсяцъ! — бросилъ ему старикъ какъ кость. — Да ты что же не проконтролируешь содержаніе товаровъ? — поучилъ онъ Степу. — Карта слезу любить, а денежки — контроль! И на контроль порядочные люди не обижаются, а изъ беспорядочныхъ ты передъ собой сейчасъ ни единого не видишь! — добавилъ онъ почти весело. — Увидишь тогда, когда къ зеркалу подойдешь!

Степа сталъ на колѣни передъ брошенными ему стопами и, развязавъ ихъ, сталъ внимательно переглядывать ихъ содержаніе. Здѣсь были одніѣ трехрублевки, сплошь. Убѣдившись въ этомъ, онъ такъ же аккуратно перевязалъ ихъ и, засунувъ руку къ себѣ за поясъ, онъ вытащилъ оттуда объемистый посконный мѣшокъ, куда онъ и уложилъ бережно все имъ полученное. Чтобы выполнить затѣмъ и свои по отношенію къ старику обѣщанія, онъ сѣлъ на этотъ мѣшокъ и повелъ свой разсказъ объ охотѣ на кладовую Стуколкина. Стенѣ хотѣлось быть откровеннымъ до послѣдней степені, но все-таки онъ о многомъ умалчивалъ въ этомъ своемъ разсказѣ, а кое-что и прямо-таки привиралъ. Такъ, напримѣръ, сознаться въ покражѣ имъ ключа у него не хватило духа. Относительно своихъ же намѣреній въ будущемъ онъ и совсѣмъ умалчалъ.

— Могу вамъ только обѣщать, — сказалъ онъ Стуколкину: — когда во мнѣ все это опредѣлится, я и самъ открою вамъ мои планы! Будьте въ этомъ благонадежны!

И, взваливъ къ себѣ на синіи мѣшокъ, Степа понуро двинулся въ путь. Радости въ своемъ сердцѣ онъ не ощущалъ никакой. И это сознаніе его непріятно томило.

Когда его согбенная и какая-то придавленная фигура почти совсѣмъ утонула въ сумракѣ ночи, Стуколкинъ, наскоро заперевъ дверь кладовой, поспѣшно двинулся слѣдомъ за нимъ. Мѣстами онъ шелъ тихимъ и осторожнымъ шагомъ, мѣстами бѣжалъ быстрыми прыжками, такъ что синяя рубашка горбомъ вздувалась за его плечами, мѣстами же крался совсѣмъ съ коначьей повадкой. Его лицо казалось сильно возбужденнымъ, а его маленькіе и быстрые глазки горѣли совсѣмъ стальнымъ блескомъ.

Когда Степа останавливался, чтобы передохнуть, онъ съ проворствомъ перепела падалъ во ржи и сердито бормоталъ:

— Закалъ у тебя не тотъ. И кишка слабовата! Пожалуй, и оборвешься? А?

А Степа пришелъ въ тотъ полевой оврагъ, куда онъ такъ любилъ ходить. Тамъ, у одинокой облупленной ветелки, вздымавшейся на глиняной кручкѣ какъ сиротливая нищенка, имъ уже были припасены деревянный ящикъ и заступъ. Все полученное отъ Стуколкина онъ рѣшилъ сохранить здѣсь, неподалеку отъ облупленной ветелки. Бросивъ свою поклажу съ плеча, Степа на мгновеніе растянулся на землѣ, какъ бы ища отдохновенія. Но мысль работала въ немъ, хотя устало и вяло. Видимо его ни на минуту не желали отпустить отъ той тачки, къ которой онъ былъ прикованъ. Разметавшись на травѣ, онъ думалъ:

«Сперва надо аккуратно сѣзять верхній слой земли съ травой. Это такъ. Затѣмъ вырыть яму. Свертокъ вмѣстѣ съ мѣшкомъ я спрячу въ ящикъ, который и опушу въ яму».

— А дальше что? — точно разговаривалъ онъ самъ съ собою.

«А потомъ ящикъ надо будетъ засыпать землей, а сверху заложить сѣзаннымъ дерномъ», — нашептывала ему мысль.

Степа шевельнулся и проговорилъ вслухъ:

— Главное, верхній слой надо сѣзать потолще, чтобы трава дольше не сохла! И тогда все будетъ обстоить вполне благополучно.

Онъ опять шевельнулся и простоналъ:

— А дальше-то? дальше-то что? Ужели безконечная грязь? А когда я свѣтъ-то увижу, настоящій и радостный свѣтъ?

— Никогда, — словно прошлепѣла ветелка, печально колыхнувшись вѣзлѣ.

Степа вскопалъ на ноги какъ ужаленный.

— Врешь!—отвѣтилъ онъ кому-то грубо.

И, взявъ въ руки заступъ, онъ принялся за свою работу, сутулясь и сильно напирая ногою на желѣзо заступа. Физическій трудъ всегда доставлялъ Стенѣ огромное удовольствіе, но теперь его мышцы словно оконывала вялость и скука. Однако Стена работать, упрямо сводя брови. На него уже пахнуло запахомъ глины.

А шагахъ въ ста за его спиною сидѣлъ во ржахъ Стуколкинъ. Сидѣлъ онъ на корточкахъ, совѣмъ какъ сурокъ, едва выставивъ глаза изъ-за колючихъ колосѣвъ. И его сѣдые усы безостановочно шевелились.

— Ахъ, курочка, ахъ, дурочка, ахъ, пташечка, ахъ, дурашечка!—поспѣшно и сердито бормоталъ онъ, поглядывая на согбенную спину Стены:—до чего наивенъ въ своихъ самообольщеніяхъ!

Но Стена все работала и работала вяло, но настойчиво, съ дикимъ упрямствомъ и точно сердясь на кого-то.

Черезъ два дня Степа уѣхалъ къ Постромкину. Ему хотѣлось какимъ-нибудь хитрымъ способомъ поразвѣдать отъ него, какія собственно операции производятъ съ тѣмъ самымъ матеріаломъ, который заключался въ его сверткахъ и который онъ называлъ съ сердитою насмѣшкой «акціями сыновней Облапошьева». Лошадь для этой поѣздки онъ взялъ самовольно, безъ отцовскаго разрѣшенія, и это обстоятельство опять страшно разсердило старика.

— Кодратъ у насъ студентъ. Стенанъ озорной своевольникъ. А я кто?—спрашивалъ онъ, какъ и всегда, Прасковью Антоновну.

Старуха слезливо молчала въ отвѣтъ, и онъ отвѣчалъ за нее самъ:

— А я, по-твоему, въ пятой чекучкѣ лишняя дыра, что ли?

Илья Никитичъ вообще съ самаго утра былъ сильно не въ духѣ. Весь день вышелъ для него какой-то незадачный. И въ первыхъ ужъ потому, что какъ разъ сегодня онъ обсчиталъ на восемь гривенъ работавшихъ у него плотниковъ. А Илья Никитичъ всегда сердился, когда онъ кого-нибудь обсчитывалъ. На кого собственно онъ сердился въ такіе минуты, онъ и самъ не сознавалъ хорошенько, но все же со дна души его всегда поднимался какой-то колючій клубокъ, какъ бы подстегивавшій его хотя на комъ-нибудь сорвать свой гнѣвъ. Вечеромъ, все еще тѣшито дожидаясь возвращенія Стены, онъ взялъ случайно подвернувшійся ему кнутъ. И опять ему стало казаться, что ужъ если онъ, хозяинъ и домоправитель, взялъ въ свои руки кнутъ, то онъ непремѣнно долженъ кого-нибудь имъ высѣчь. А иначе и тверди небесныя лопнуть отъ негодованія за его малодушіе. Онъ попробовалъ—было выпоротъ кошку, но колючій клубокъ не ушелъ изъ его нутра, и Илья Никитичъ даже ясно понималъ—почему: кошку выпоротъ можетъ всякій, даже безштаннй мальчишка. При чемъ же тутъ его домоправительство?

Онъ хотѣлъ-было придратъ къ Прокудіи, но и той не оказалось дома: ушла въ Шмельевку.

— Всѣ безъ хозяйскаго глаза разбѣжались!—пробурчалъ Илья Никитичъ.

Онъ опять увидѣлъ кошку, которая съ крыльца кухни смотрѣла ему въ самыя глаза.

— А ты у меня смотри!—погрозилъ онъ ей кнутомъ.—Будешь на будущую весну за цыплятами охотиться, я съ тебя три шкуры спущу!

Кошка была смиренная и облѣзлая. За цыплятами она не только что никогда не охотилась, но даже отъ всего своего сердца побаивалась ихъ, такъ какъ не разъ была въ передѣлкахъ у насѣдокъ. Но тѣмъ не менѣе, еще разъ заглянувъ внимательно въ глаза старика, она сочла за благоразумное скрыться подъ бочкой. А Илья Никитичъ тотчасъ же сказалъ себѣ ѣдко:

— Кошачій домоправитель!

И, какъ ему показалось, тѣ три кита, на которыхъ держится свѣтъ, такъ же ѣдко ему поддакнули:

— На манеръ безштаннаго мальчишки! До чего мы дожили? А?

Сердито шелкнувъ кнутомъ по землѣ, Илья Никитичъ двинулся въ ворота, а затѣмъ къ огородамъ. Путь свой онъ избралъ безъ всякой цѣли, случайно, но тутъ онъ натолкнулся на сцену, показавшуюся ему безъ сравненія возмутительной. У плетня

огородавъ стоялъ Кодра съ тѣми самыми плотниками, которыхъ старикъ сегодня обсчиталъ. Плотники, очевидно, догадались объ обсѣтѣ и вернулись съ тѣхъ, чтобы доплатить недостающее. И сынъ, можетъ-быть, умышленно перехватилъ ихъ на дорогѣ къ отцу. Можетъ-быть, онъ что-либо заподозрѣлъ и цѣлыми часами поджидалъ ихъ возвращенія здѣсь. Какъ бы тамъ ни было, но сейчасъ онъ стоялъ вмѣстѣ съ ними и, вѣроятно, онъ только-что угостилъ ихъ своими папиросами, еще дымившимися въ ихъ губахъ. Лицо Кодры, какъ это старикъ хорошо замѣтилъ, было покрыто густымъ румянцемъ, именно румянцемъ стыда. Раскладывая въ мозолистыя руки плотниковъ серебряныя монетки, онъ сконфуженно бормоталъ:

— Отецъ васъ обсчиталъ неумышленно... Это ужъ такъ... Прямо сбился со счету. Бываетъ!—конфузливо пожималъ онъ плечами.—И вотъ онъ просилъ меня вамъ доплатить! И... и вотъ еще прибавокъ на чай!

Колючій клубокъ дрогнулъ внутри Ильи Никитича, причиняя ему несносную рѣжущую боль. Онъ подумалъ о сынѣ:

«Сынъ за отца краснѣетъ! Гдѣ это видано?»

Онъ проговорилъ:

— Который сынъ за отца смѣетъ, тотъ мерз... мерз... —Онъ не договорилъ ругательства, но не пѣз деликатности, а отъ удущія.

Крупными шагами онъ пошелъ туда, къ той мирной группѣ, тяжело осѣдая на ноги, точно онъ несъ вмѣстѣ съ собой и еще кого-то.

— Что же, по-твоему твой отецъ мошенникъ? — сразу же спросилъ онъ сына, приблизившись и тяжело дохнувъ.—Что же, по-твоему твой отецъ хуже разбойника? Такъ?

Всѣ тревожно переглянулись. Кодра опять сконфузился и поспѣшно заговорилъ:

— Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, и я такъ и объяснялъ имъ сейчасъ, что вы ошиблись въ расчетѣ... совѣмъ случайно... По ошибкѣ,—съ поспѣшностью говорилъ Кодра, и старикъ видѣлъ, что онъ весь горитъ отъ мучительнаго стыда за поступокъ отца своего.—Я такъ имъ и объяснялъ, что вы по роковой ошибкѣ...

— А если я не по ошибкѣ?—вдругъ спросилъ его старикъ грозно.—А если я не по ошибкѣ... это самое съ ними сдѣлать?—добавилъ онъ:—тогда что?

Кодра смутился и потупился.

— Тогда!—сказалъ старикъ вѣско, убѣжденно и съ сознаниемъ правоты:—то и тогда ты долженъ сказать: на то ваша родительская воля. Ну вотъ и повтори за мной эти самыя слова. На то, дескать, ваша... Ну! ну!—будто подбадривалъ онъ сына.

Плотники переглянулись и поглядѣли значительно на Кодру. Кодра молчалъ.

— Ну, ну,—подбодрилъ его отецъ.—На то, дескать, ваша родительская...

Кодра сказалъ:

— Конечно, каждый человекъ воленъ поступить и такъ и этакъ. Но тотъ его поступокъ будетъ хорошъ, а этотъ дуренъ. Тутъ только въ этомъ вопросъ и есть!

Точно бѣсъ дернулъ старика.

— Такъ, стало-быть, я по-твоему сдѣлалъ дурной поступокъ? Я по-твоему воръ?—выкрикнулъ старикъ, багровѣя и взмахивая кнутомъ.

Если бы онъ не взмахнулъ кнутомъ, быть-можетъ, далѣе рѣшительно ничего не произошло бы.

Но старикъ увидѣлъ, какъ подъ взмахомъ его кнута въ глазахъ сына метнулся тотъ огонекъ, который старикъ ненавидѣлъ всѣми силами своей души. Тотъ огонекъ неодолимаго упорства въ томъ, что сынъ почиталъ за святая-святыхъ.

— Конечно, въ такомъ случаѣ,—проговорилъ Кодра твердо и съ холодной ясностью:—въ такомъ случаѣ вы сдѣлали...—онъ на минуту заппулся:—очень дурной поступокъ! Очень дурной!—горячо добавилъ онъ.

— Что?—спросилъ его старикъ, будто не вѣря своимъ ушамъ и снова багровѣя до самыхъ глазъ.

— Въ такомъ случаѣ вы сдѣлали...

Три кита будто сотрясли почву подъ ногами старика, и онъ ясно услышалъ ихъ мучительное рычаніе:

«Поглядите! уже сынъ поднимаетъ на стараго отца свою духовную длань!»

Колочій клубокъ уперся въ самое нѣбо Ильи Никитича. Онъ не взвидѣлъ свѣта. И рѣзко взмахнулъ кнутомъ, все же не находя въ себѣ смѣлости ударить сына.

Старикъ крикнулъ. Плотники также мучительно крикнули—но отъ страха. Кто-то изъ нихъ сказалъ:

— Буда, Илья Никитичъ!

Но Кодря стоялъ въ той же позѣ, сильно зажавъ за своей спинной руки, и на томъ же мѣстѣ.

—...Дурной поступокъ,—проговорилъ онъ.

И отецъ опять увидѣлъ въ глазахъ сына тотъ огонь, ненавистный, накаливавшій его до бѣлаго каленья.

— Сломаю тебя!—будто сказалъ онъ тому огню.

— Ни во вѣки вѣковъ,—какъ бы отиѣтилъ ему тотъ, неугасимый.

Старикъ, отпятившійся отъ сына назадъ шаговъ на десять, опять побѣжалъ на свѣтъ того огня, высоко поднявъ кнутъ, весь взбѣсившись.

Плотники жалобно протянули:

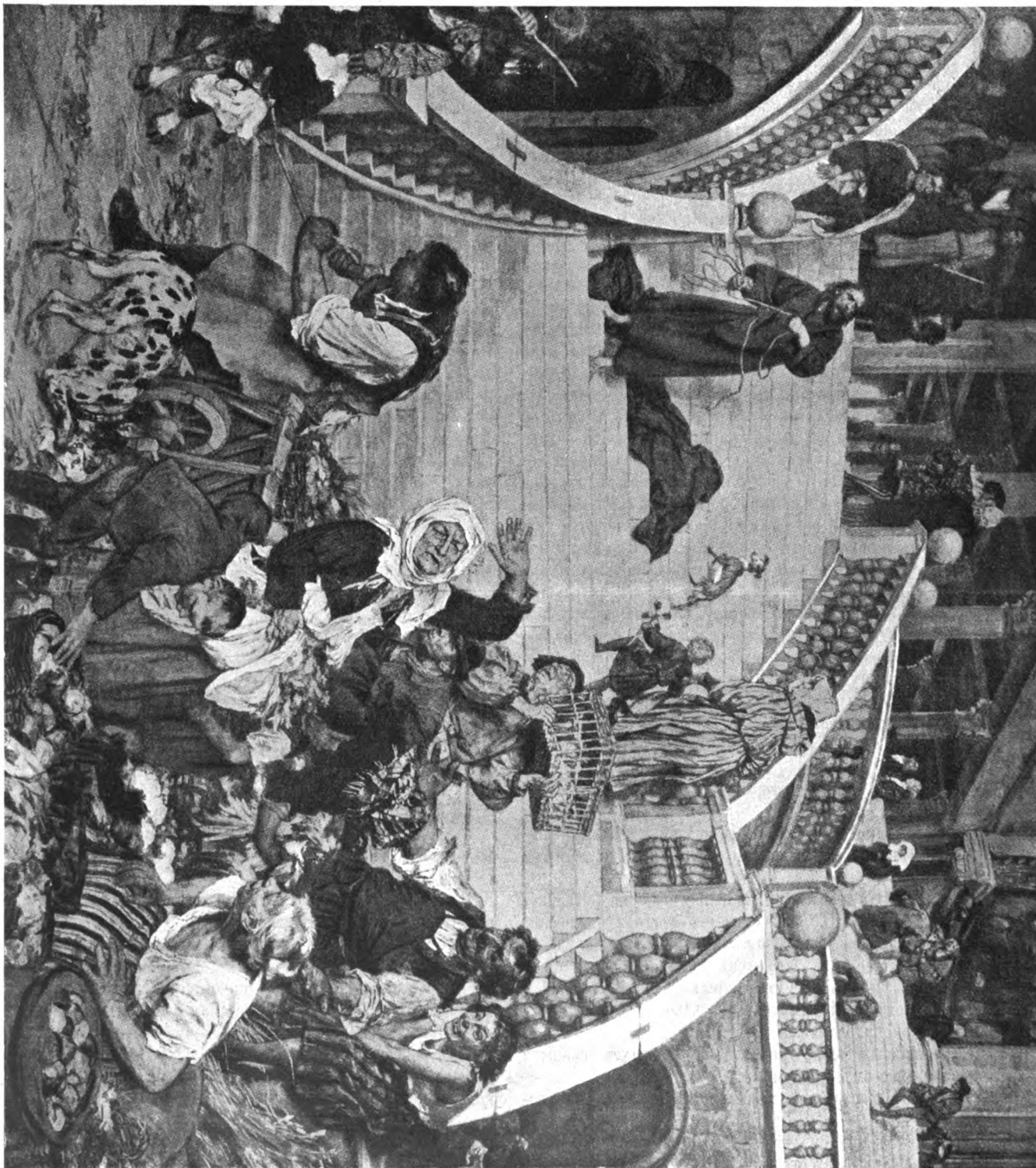
— Буда, Илья Никитичъ...

Но старикъ крикнулъ, словно съ мученіемъ отрывая собственные внутренности. И опять не смогъ ударить сына. Кнутъ его—свистнулъ лишь по воздуху.

— Буда,—мучительно стонали плотники.

—...Дурной поступокъ,—шепталъ Кодря, блѣдный, съ лицомъ будто посыпаннымъ мукой. И тотъ же неугасимый огонь, выходявшій изъ этихъ глазъ, рѣзалъ сердце старика нестерпимую болью.

Христосъ изгоняетъ торгующихъ изъ храма. Стѣнная живопись Э. Гебгардта въ церкви Фриденсирхе въ г. Дюссельдорфъ.

Онъ подошелъ къ сыну вполоть и, неистово потрясая кулаками, закричалъ:

— Хоть солги, но покорись же отцу!

И всё видѣли, что какъ будто и онъ страдаетъ, и, пожалуй, не менѣ сына.

Кодря прищурилъ глаза, какъ будто разглядывая что-то тамъ въ туманной дали. Онъ не шевелился и молчалъ, сжимая за спиною руки.

— Хоть солги, но покорись!—повторилъ старикъ неистово.

— Развѣ я заслужу ложью правду?—спросилъ его сынъ.

Илья Никитичъ опять точно отыгнулъ внутренности. Кнутъ снова свиснулъ, и багровый рубецъ перепоясалъ лицо Кодри. Онъ не шевельнулся, какъ пригвожденный, и старикъ сталъ поспѣшно ломать кнутъ о козѣно. Бросивъ къ ногамъ Кодри его обломки и не глядя на сына, онъ поспѣшно пошелъ затѣмъ прочь, хватаясь за частоконины и точно съ трудомъ волоча ноги. Когда же онъ былъ въ воротахъ, изъ его глазъ тихо сползли двѣ мелкихъ старческихъ слезинки. И онъ подумалъ о сынѣ:

«А что если онъ осердится и завтра же уѣдетъ? И навсегда?»

Но Прасковья Антоновна онъ заявилъ съ невозмутимой вѣсностью:

— Поучилъ, потому что такъ надо. Подумай сама: если и мы придерживать основы не будемъ—что тогда выйдетъ? Землетрясение!—развелъ онъ руками.

Впрочемъ, Прасковья Антоновна землетрясения не испугалась и, услышавъ о его зѣбрствѣ надъ сыномъ, наскочила на него какъ клушка.

— Песъ и тотъ своей крови не лакаетъ, а ты видимо хуже пса!

Между тѣмъ все, что бы ни дѣлалось на хуторкѣ Охлоньевыхъ, тотчасъ же становилось извѣстнымъ и всему стуколкинскому хутору, и когда Кодря съ избитымъ лицомъ сидѣлъ еще на берегу рѣки, уныло поглядывая на ся тихія воды, къ нему взволнованно прибѣжали обѣ женщины. Смугловатое лицо Любочки будто все дрожало въ дикомъ негодованіи, а глаза Дарьи Архиповны были темны, какъ ночь. Она первая увидѣла на лицѣ Кодри этотъ вздувшійся кровавый рубецъ, и со стономъ она пала передъ Кодрей на колѣни, заглядывая въ его лицо съ такой безграничной мѣлой, тоскою и лаской.

— Это ужасъ что такое! Это какой-то одинъ сплошной ужасъ,—повторяла Любочка, вся сотрясаясь, съ розоватыми пятнами на смугломъ лицѣ.

А изъ груди Дарьи Архиповны вырвалось полное тоски и восхищенія, мѣлы, гордости и слезъ:

— Кодренька! Дай я ножки твои поцѣлую! Кодренька!

Любочка вдругъ подскочила къ ней и толкнула ее съ выраженіемъ внезапнаго и совѣмъ неожиданнаго презрѣнія.

— Затѣмъ же кривляться-то?—выговорила она съ трудомъ и даже съ какою-то злой брезгливостью:—или ужъ ты въ конецъ изломалась вся? и искривлялась?

Кодря, придерживая Дарью Архиповну, отвѣтилъ Любочкѣ сухо:

— Здѣсь кривляющихся, надѣюсь, никого нѣтъ. Лучше вотъ помогите-ка привести ее въ чувство: видите, съ ней самая настоящая истерика!

Дарья Архиповна и въ самомъ дѣлѣ смѣлась и плакала, глядя на кровавый рубецъ на лицѣ Кодри, вся какъ-то судорожно крутясь и точно стараясь вырвать изъ ушей своихъ длинныя коралловыя серьги...

Илья Никитичъ не спалъ всю эту ночь и разбудилъ Прасковью Антоновну вмѣстѣ съ пѣтухами.

— Поди къ Кодрѣ,—сказалъ онъ ей хмуро:—и попроси у него за меня прощенія!

— Да вѣдь онъ спитъ?

— Когда онъ проснется.

— А ты-то самъ что?

— Я?—удивился Илья Никитичъ.—Отецъ у сына?

— Землетрясеній боишься?

— Дура! Тебѣ говорить: ты сходишь и ты попросишь! Поняла?—сказалъ онъ, упирая на словѣ «ты».

— Поняла... Только...

— Что только?

— Только я у него была ужъ ночью и просила и за тебя... и за себя. И плакали мы оба...

— И онъ плакать съ тобой?

— Да. Да какъ же ему не плакать? Самъ посуди: у него только недавно грудка отъ той нечаянной огнестрѣльной раны поджила. А ты его какъ песъ...

Когда рѣчь шла о дѣтяхъ, старушка не боялась мужа.

— Такъ развѣ онъ отъ боли плакалъ, а не отъ обиды?—спросилъ Илья Никитичъ, будто не разслышавъ слово: «песъ».

— Ума ты рехнулся, Илья Никитичъ. Когда же мальчики на отцовъ обижаются?

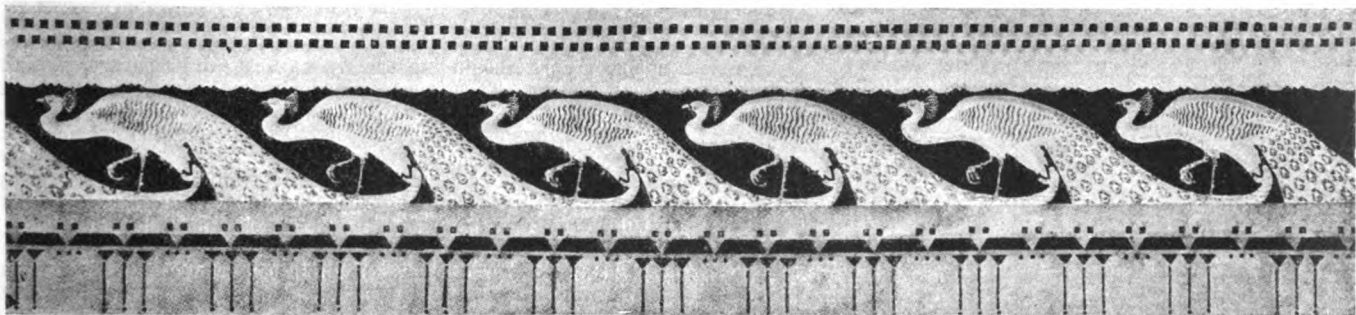
— Это онъ самъ тебѣ такъ разъяснилъ? относительно своихъ слезъ?

Прасковья Антоновна даже обидѣлась:

— Что мнѣ разъяснять? Я и сама не маленькая!

Старикъ до сихъ поръ не зналъ, что Кодрю ранилъ Абшаровъ. Имъ было сказано, что Кодря самъ себя нечаянно поранилъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Солнце вешнее въ небѣ безоблачномъ тихо смѣется
И цѣлуетъ ожившую землю горячимъ лучомъ,

А въ груди моей сердце болить и мучительно бьется—
Я не знаю о чемъ.

Въ пробужденныхъ дубравахъ торжественно-стройныя
шумы,

Какъ могучій хоралъ, распыляясь волною растутъ,
А въ душѣ у меня неспокойныя, черныя думы

Словно тѣни ползутъ.

И все шепчетъ мнѣ чей-то насмѣшливый голосъ
жестоко:

* * *
«Ты не солнцу-ль, не небу-ль довѣриться хочешь
опять?»

«Но вѣдь солнце заходитъ, а небо далеко, высоко,
И его не объять.

«Пусть лазурнымъ шатромъ надъ тобой оно нынче
синѣетъ,

«Пусть въ немъ все и живительной ласки и свѣта
полно,

«Знай: предъ первымъ дыханіемъ бури, что въ воздухѣ
вѣетъ,

«Потемнѣетъ оно».

Л. Дудинъ.

„Мокрая“ и „сухая“ мѣстности, въ Америкѣ.

Очеркъ Ивана Никонова.

Эмигранты, высаживаясь въ Бостонѣ, Филадельфіи и Нью-Йоркѣ, разселяются по восточнымъ и среднимъ фабрично-заводскимъ и горнопромышленнымъ штатамъ, меньшая часть ѣдетъ на западъ. Но мало кто забирается на югъ, хотя тамъ-то рабочія руки всегда въ спросѣ—на фермахъ, поляхъ и плантаціяхъ. А забравшись туда какъ-нибудь, эмигранты быстро бѣгутъ назадъ, на болѣе подходящій сѣверъ.

— Тамъ «сухо»,—говоритъ такой «хунку», объясняя свое бѣгство.

И, дѣйствительно, югъ быстро «сохнетъ». Нѣсколько десятиковъ лѣтъ тому назадъ тамъ было разливанное море виски, одними изъ главныхъ потребителей котораго были индѣйцы и негры. Индѣйцы, кажется, только за это и уважали тогда бѣлаго человека, что онъ умѣлъ добывать изъ ржи такой богатый нектаръ. И они быстро вымирали и исчезали. Тогда появился государственный законъ, воспрещающій продавать виски краснокожимъ. Но неуровня это не касалось, они это чувствовали и поддерживали коммерцію «салунговъ», на страхъ и горе землевладѣльцамъ и горожанамъ.

— Хорошо бы запретить продажу напитковъ неграмъ,—размышляли землевладѣльцы.

Къ ихъ сожалѣнію (и нерѣдко весьма искреннему), негры имѣютъ всѣ гражданскія права и ограниченія подвергаться не могутъ. Да и бывше работники, въ общемъ, немногимъ лучше и тоже не прочь завезти спящую жатвенную машину на сосѣдніе луга и грозить хозяину сорокапятикалбернымъ револьверомъ.

— Если совсѣмъ уничтожить торговлю спиртными напитками, такъ тогда мы-то какъ же будемъ существовать?—горевали землевладѣльцы, не зная, какъ помочь горю. Съ одной стороны—былъ вопросъ о наживѣ и даже личной безопасности, а съ другой—настоятельная необходимость выпить иногда рюмочку-другую (и больше).

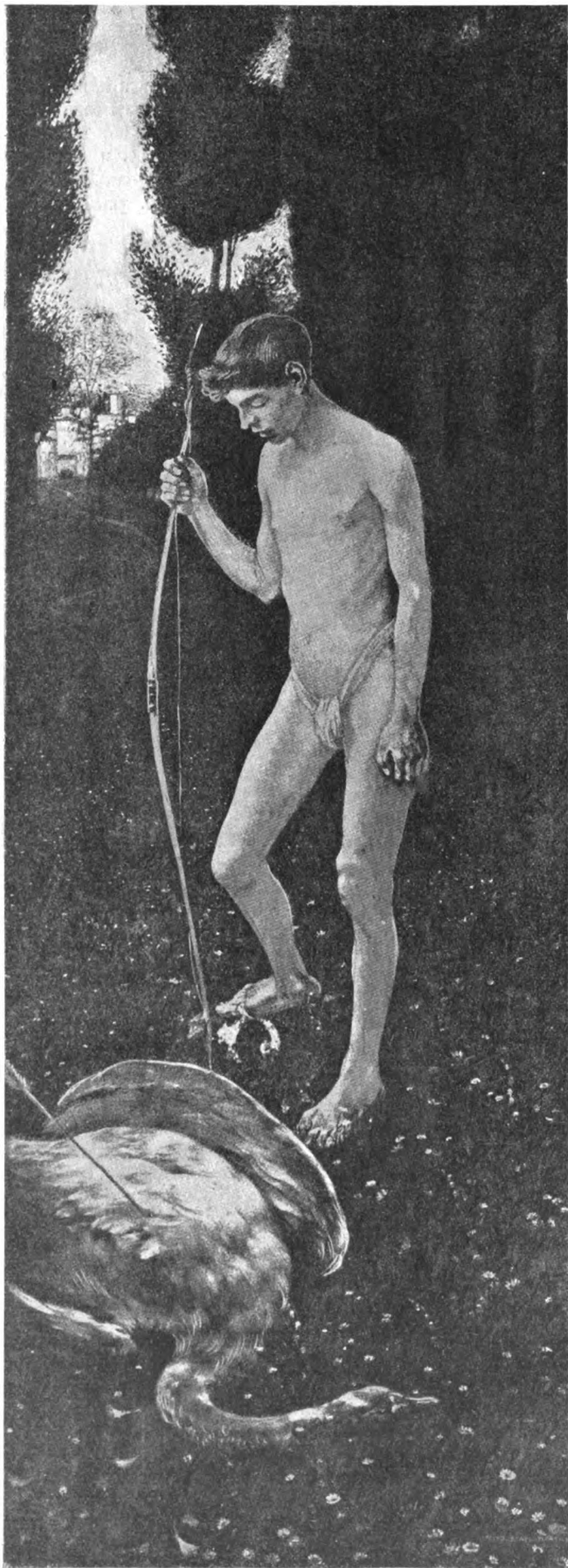
Тутъ какъ разъ нашло себя богатую почву движеніе прохибиціонистовъ («препятствующихъ»), лозунгомъ которыхъ было—стремиться всѣми мѣрами къ уничтоженію продажи и даже самой выдѣлки спиртныхъ напитковъ. «Препятствующихъ» или, вѣрнѣе, «запретителей» не слѣдуетъ смѣшивать съ членами разныхъ обществъ трезвости, которыхъ много въ Америкѣ, но дѣятельность которыхъ почти ничѣмъ не проявляется: они считаютъ главнымъ правиломъ для себя воздерживаться отъ потребления спиртныхъ напитковъ и совѣтовать другимъ дѣлать то же. Такимъ образомъ ихъ дѣятельность мало выходитъ изъ рамокъ вопросовъ о личныхъ вкусахъ: кому нравится больше чай, кому пиво, а кому и виски.

«Запретители» дѣйствуютъ совсѣмъ иначе. Путемъ митинговъ, собраний, рѣчей, специальныхъ брошюръ и публичацій они дѣйствуютъ на общество, побуждая его въ данной мѣстности, городѣ или штатѣ издать правила, постановленія или законы, ограничивающіе и даже совсѣмъ запрещающіе всякую торговлю спиртными напитками и выдѣлку ихъ. Вопросами о личныхъ вкусахъ и личномъ самоотреченіи они почти не занимаются, такъ какъ практика показала, что по большей части самоотреченіе дѣйствительно только до первой встрѣчи по дорогѣ домика съ пыльными стеклами и легкими дверьми, открывающимися въ обѣ стороны.

Избравъ какую-либо мѣстность объектомъ своихъ дѣйствій, прохибиціонисты прежде всего добиваются постановленія, чтобы всѣ бары, салуны и кафе (что, въ сущности, одно и то же), находящіяся въ разстояніи меньше трехъ миль отъ школъ и церквей, были закрыты. Такое постановленіе всегда легко проходитъ. За тѣмъ возникаетъ вопросъ о законности торговли напитками въ воскресенье и вечеромъ въ субботу. Это также легко запрещается (это теперь запрещено почти повсемѣстно въ Америкѣ и даже съ недавняго времени, въ Нью-Йоркѣ, гдѣ особенно много жаждущихъ, которымъ теперь приходится ждать до двѣнадцати часовъ ночи, когда стрѣлка часовъ начнетъ показывать понедѣльникъ и кафе открываются на короткое время).

Неизмѣримо труднѣе оказывается добиться полнаго «осушенія» мѣстности. Въ сколько-нибудь крупномъ городѣ это невозможно. Проходите, напримѣръ, по главнымъ улицамъ Чикаго, — Стоить, Мичиганъ, Дерборнъ, Мадисонъ, — и вы будете поражены огромнымъ количествомъ баровъ и кафе. А Нью-Йоркъ? А Питсбургъ? А Филадельфія? Да они разорятся, если всѣ кафе закрыть. То же самое въ заводскихъ районахъ. Могущественные фабриканты и горнозаводчики ни за что не допустятъ до этого. Почему, напримѣръ, во многихъ промышленныхъ районахъ восточныхъ и среднихъ штатовъ и даже въ Канадѣ «высохшія»-было мѣстности опять сдѣлались «мокрыми»? Почему промышленники, быть-можетъ, сами не пьющіе вина и даже не живущіе постоянно въ данной мѣстности, противятся всѣми мѣрами запретительному движенію?

Вотъ, напримѣръ, бойкій каменноугольный районъ съ железнодорожными и разными другими заводами. Проходите по улицамъ одного изъ небольшихъ городковъ, составляющихъ его. Вы можете подумать, что перенеслись въ такую же мѣстность гдѣ-либо въ центрѣ Европы: тутъ вы видите толстыхъ, благодушныхъ нѣмцевъ, толпящихся около своихъ Bierhallen, усадыхъ венгерцевъ и

Парсифаль. Картина Фридриха Шталя.

поляковъ, бородачей-русскихъ, низкорослыхъ, коренастыхъ итальянцевъ, бѣлокурыхъ словаковъ и хорватовъ и цѣлыя тучи грязныхъ ребятишекъ на грязныхъ узлицахъ. Запахъ «гуляшей», «паприкашей» и «макарони» носится въ воздухѣ. Вотъ маленькая дѣвочка идетъ смѣло въ «салунъ» и отыскиваетъ своего отца.

— Папа, къ намъ гости пришли.

Не подумайте, что ея отецъ — пьяница. Онъ просто проводитъ большую часть свободного времени въ салунѣ, чтобъ потолковать о политическихъ и прочихъ дѣлахъ съ пріятелями.

И вотъ мѣстность «осушается». Нѣтъ больше салуновъ и винныхъ магазиновъ. По-немногу она начинаетъ принимать болѣе опрятный видъ. Исчезаютъ толпы оборванныхъ ребятишекъ, не слышится въ воздухѣ запаха гуляшей и паприкашей, которые все эмигрируютъ въ соседнія, «мокрыя» мѣстности. На заводѣ остаются только коренные американцы или такіе Шульцы и Шмидты, которые ни слова не могутъ сказать

Страдивариусъ въ своей мастерской. Картина Эд. Гаммана.

Священные «пещеры Бинги» въ Бирманіи (Индія). Мѣсто знаменитаго паломничества жителей, поклоняющихся Буддѣ.

по-нѣмецки. Всѣ они — члены трэдъ-юніоновъ и немедленно же предъявляютъ заводчикамъ требованія — подчиниться юніонистскимъ правиламъ и порядкамъ. Иначе — полная забастовка на продолжительное время.

Пока заводъ былъ полонъ иммигрантами, тогда и рѣчи быть не могло объ юніонахъ. Словакъ плохо понималъ хорвата, тотъ — чеха и поляка, итальянецъ не могъ равнодушно видѣть венгерца, а послѣдній — нѣмца. Они были всѣ терпѣливые, хорошіе работники, знающіе свое дѣло, довольные своими заработками и безусловно покорные волѣ заводчиковъ. Одна бѣда, — они не могутъ жить въ «сухой» мѣстности. Да и многіе коренные американцы раздѣляютъ ихъ мнѣніе на этотъ счетъ, такъ что являются весьма серьезныя затрудненія вести заводское дѣло тамъ, гдѣ «сухо».

Сколько салуновъ окружаетъ заводы Вестингауза и Карнеги? Я думаю, невозможно сосчитать.

Существуетъ распространенное мнѣніе, что всѣ американцы — пьяницы. Это однако не вѣрно. Американцы, по крайній мѣрѣ большинство ихъ, пьютъ круглый годъ воду со льдомъ (кромѣ чая и кофе, конечно). Придите на обѣдъ въ праздникъ къ зажиточному американцу, хотя бы это было на Рождествѣ или Пасхѣ. Васъ угостятъ индѣйкой, которую американцы такъ любятъ, разными вкусными и невкусными, сладкими и несладкими блюдами и въ заключеніе мороженымъ, котораго американцы поглощаютъ, ка-

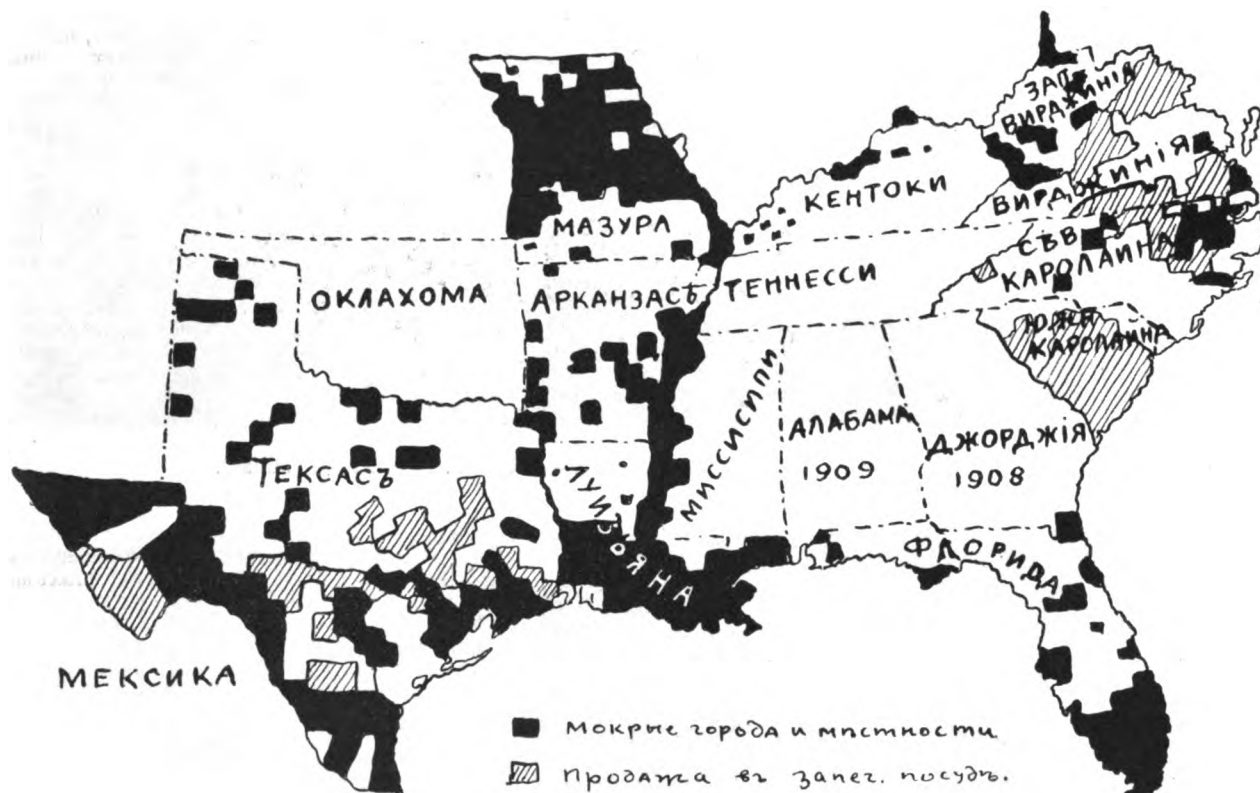
надо и денегъ зарабатывать на это, а она стоитъ долларъ бутылка. Разумѣется, на помощь страждущимъ явились тайные продавцы (которыхъ окрестили почему-то «тиграми»), которые и теперь дѣйствуютъ, наживаясь и отсиживаясь время отъ времени въ исправительныхъ заведеніяхъ и тюрьмахъ. Все-таки, съ запрещеніемъ азартныхъ игръ и спиртныхъ напитковъ (даже пива!), жизнь въ «сухихъ» мѣстностяхъ стала до такой степени скучной и однообразной, до нѣкоторой степени даже безцѣльной, что любители того и другого въ значительной части эмигрировали, уступивъ свое мѣсто менѣе притязательнымъ. Этими, можетъ-быть, объясняются нѣкоторыя статистическія данныя, приведенныя ниже.

Такъ, въ Вирджиніи имѣется 100 мѣстностей (нѣчто въ родѣ уѣздовъ), изъ нихъ сорокъ шесть совершенно «сухи», двадцать шесть имѣютъ разныя ограниченія по части торговли напитками и двадцать восемь имѣютъ салуны. Статистика за 1906 годъ говоритъ: Въ 46 «сухихъ» мѣстностяхъ: одинъ заключенный въ тюрьмѣ на 5.122 жителя. Криминальные расходы (содержаніе преступниковъ въ тюрьмахъ и т. д.) — 82 сента на 1.000 жителей.

Въ 26 «полусухихъ» — одинъ арестованный на 4.692 жителя, криминальные издержки — 91 сентъ на 1.000 жителей.

Въ 28 «мокрыхъ» — одинъ осужденный на 2.913 жителей, криминальные издержки — 139 сентовъ на 1.000 жителей.

Въ Западной Вирджиніи имѣется 55 мѣстностей, изъ нихъ два-

Карта «сухихъ» и «мокрыхъ» мѣстностей въ южныхъ штатахъ Сѣв. Америки.

жется, въ пять разъ больше, чѣмъ вся Европа и Азія. Но не надѣйтесь на что-либо спиртное. Точно также на годичномъ обѣдѣ какого-либо общества, кружка или клуба (если только онъ чисто-американскій), на товарищескомъ обѣдѣ студентовъ или людей какой-либо специальности васъ угостятъ хорошимъ и дорогимъ обѣдомъ, безчисленными рѣчами и тостами («сухими»!), музыкой и... водой со льдомъ.

Отсутствіе рѣзко выраженной симпатіи къ спиртнымъ напиткамъ съ одной стороны и любовь къ комфорту и порядочности съ другой — создаютъ удобную почву для распространенія запретительнаго движенія. Въ настоящее время, кажется, нѣтъ штата, гдѣ бы не было «сухихъ» и «полусухихъ» мѣстностей. Такъ, нѣкоторые изъ маленькихъ городовъ, окружающіе Питсбургъ и почти входящіе въ его составъ, совершенно «сухи» въ настоящее время, и ихъ внѣшность рѣзко отличается отъ сосѣднихъ «мокрыхъ» городовъ. Типичнымъ въ этомъ отношеніи является Вилькинсбургъ съ его шестью тысячами жителей. Онъ состоитъ только изъ изыщныхъ, опрятныхъ домиковъ среди садовъ и деревьевъ. Въ немъ нельзя встрѣтить пьянаго или оборваннаго человѣка, и дѣти, всѣ до послѣдняго, одѣты чисто и хорошо. Половину его населенія составляютъ рабочіе заводовъ Вестингауза и Карнеги, и девять десятыхъ — коренные американцы.

Итакъ, земледѣльческій югъ оказался болѣе благодатной почвой для прохибиціонистовъ, чѣмъ промышленный сѣверъ. Оказалось возможнымъ «осушить» сразу огромныя пространства земли, лишая тѣмъ возможности жажущимъ удобно и быстро переключиваться на «мокрыя» мѣста. А въ городѣ, гдѣ благодать по этой части, жить вѣчно нельзя: пить виски, конечно, очень пріятно, но вѣдѣ

дпать девять «сухихъ». Относительно «мокрыхъ» мѣстностей имѣются такія данныя:

Кансуа . . .	1 салунъ на	804 ж.	1 подсудимый на	576 жит.
Файетъ . . .	1 » »	444 »	1 » »	246 »
Макъ-Дуэалъ . . .	1 » »	468 »	1 » »	176 »
Минго . . .	1 » »	494 »	1 » »	286 »
Мерсеръ . . .	1 » »	1.535 »	1 » »	533 »

Въ общемъ «мокрыя» мѣстности, перечисленныя выше, являются самыми выдающимися въ этомъ отношеніи и, составляя одну одиннадцатую общаго числа мѣстностей, даютъ половину всего числа подсудимыхъ.

Подобныя же удивительныя цифры получаются и для другихъ штатовъ. Прогрессъ идетъ однако быстрыми шагами, мѣстности и даже города «осушаются», и теперь значительную часть должностныхъ лицъ на югѣ составляютъ прохибиціонисты. Они распространяютъ свое вліяніе безчисленными способами. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ штатахъ имъ удалось провести законъ, что по вопросамъ о салунахъ и вообще торговлѣ спиртными напитками имѣютъ право вотиловать всѣ жители, включая и женщинъ старше 18 лѣтъ. Легко предвидѣть возможные результаты голосованія такой смѣшанной публики. Кажется, такой законъ былъ проведенъ впервые въ Арканзасѣ, относительно котораго мы имѣемъ такіе свѣдѣнія:

1900 г.	«мокрыхъ» мѣстностей	45,	«сухихъ»	30
1906 »	»	17	»	58

Нѣкоторые штаты имѣютъ теперь строгіе законы, не допускающіе совершенно существованія спиртныхъ напитковъ въ ихъ пре-

дѣлахъ. Въ Джорджии такой законъ вошелъ въ силу съ нынѣшняго года, а въ Алабамѣ войдетъ въ силу съ будущаго года.

Прилагаемая карта показываетъ распредѣленіе «мокрыхъ» и «сухихъ» мѣстностей въ южныхъ штатахъ. Невольно бросается въ глаза количество «мокрыхъ» мѣстностей по берегу моря, гдѣ населеніе постоянно мѣняется, а также вдоль большихъ рѣкъ. Сосѣдство Мексики также, повидимому, не особенно благоприятно.

Въ Сѣверной Каролинѣ нѣтъ пока еще всеобщаго запрещенія на спиртные напитки, но тамъ имѣется (какъ и во многихъ другихъ штатахъ) довольно курьезный законъ, что въ городахъ всякій джентльменъ, добывающійся права открыть баръ, долженъ быть вполнѣ хорошимъ и нравственнымъ человекомъ. На этомъ основаніи многие «бюргессы» и «майоры» совсѣмъ отказываются давать разрѣшенія, не вѣря, чтобы хорошій человекъ могъ рѣшиться на такое дѣло, какъ содержаніе салуна. Рассказываютъ про одного стараго квакера, который никакъ не могъ повѣрить въ нравственныя качества подобныхъ просителей. Однажды къ нему явился господинъ съ двумя или тремя письменными доказательствами его высокой гражданской доблести и дипломами. Квакеръ долго ихъ читалъ и остался чрезвычайно доволенъ.

— Мы очень рады принять тебя въ наше общество, — сказалъ онъ пришельцу, трясая его руку. — Только намъ хорошия люди нужны, а ты, пожалуй, еще испортишься, содержа салунъ. Нѣтъ, мы тебѣ это не позволимъ. — И расплывшееся было въ радостную улыбку лицо просителя быстро увяло.

Теперь «запретители» являются сильной политической партіей и увѣрены, что недалеко то будущее, когда президентъ республики будетъ ярымъ прохибиціонистъ.

Аландскіе острова.

(Политическое обозрѣніе).

Расторженіе стараго договора о нейтралитетѣ Швеціи и Норвегіи, направленного противъ Россіи въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія Франціей и Англіею, оставило послѣ себя очень запутанное наслѣдіе въ видѣ такъ-называемаго Аландскаго вопроса. Суть его заключается въ ограниченіи права Россіи укрѣплять принадлежащія ей Аландскіе острова, расположенные у входа въ Финскій заливъ. Пока Англія и Франція находились во враждѣ съ нами, онѣ были заинтересованы въ томъ, чтобы держать Финскій заливъ открытымъ для нападенія на беззащитные берега Россіи. Но теперь отъ прежней руссофобіи въ ихъ сердцахъ не осталось и слѣда. Послѣ окончанія японской войны произошла такая коренная передвижка политическихъ интересовъ, что оба союзницы 1856-го года идутъ теперь рука объ руку съ своей бывшей противницей. Въ медовый мѣсяцъ новой политической дружбы становится совершенно понятнымъ и естественнымъ стремленіе ликвидировать всѣ напоминанія былой вражды. Послѣ объявленія недействительнымъ стараго договора о неприкосновенности скандинавскихъ странъ, слѣдовало, разумѣется, ожидать и объявленія недействительнымъ наложеннаго на Россію обязательства относительно Аландскихъ острововъ, что и состоялось нынѣ. Новое соотношение политическихъ силъ обязываетъ и Англію и Францію признать за Россіей, какъ за союзникомъ, достоинство великой державы, располагающей неограниченнымъ правомъ использовать по своему усмотрѣнію всѣ свои и морскія и сухопутныя владѣнія.

Исторія столѣтняго миролюбиваго сожительства Россіи и Швеціи свидѣтельствуетъ о томъ, что для вражды и для войны между ними нѣтъ никакихъ реальныхъ поводовъ, и что всякія опасенія шведовъ относительно непосредственнаго нападенія несуществующаго въ натурѣ русскаго флота съ Аландскихъ острововъ относятся къ области пугающихъ вымысловъ. Призрачность этой угрозы до такой степени очевидна, что даже шведская печать и лидеръ шведской оппозиціи, Карлъ Стаафъ, опасность укрѣпленія Аландскихъ позицій видятъ главнымъ образомъ въ томъ, что не Россія, а другія державы, воюющія съ Россіей, вынуждены будутъ искать морской базы на шведскомъ побережьи. Въ беззащитности острововъ шведы пѣвять какъ бы своего рода естественный громоотводъ, дающій выгоду для ихъ родины направленіе возможному удару военнаго нашествія на Балтику. Въ сущности примирить реально понятые нами и шведскіе интересы очень легко безъ тяжелаго ущерба достоинству Россіи, какъ великой державы. Если оба сосѣди балтійскаго побережья не думаютъ нападать другъ на друга и опасаются только появленія въ родныхъ моряхъ флота третьей державы, то естественнымъ шагомъ къ защитѣ обоюдныхъ интересовъ долженъ быть договоръ между ними о закрытіи Балтики для иностраннаго вторженія. Всѣ скандинавскія государства должны стремиться къ нейтрализаціи Балтійскаго моря, и первая Россія докажетъ свое миролюбіе полною готовностью сократить районъ военныхъ дѣйствій по соглашенію съ своими прибалтійскими сосѣдками. Пока существовала острая вражда Англіи и Франціи къ Россіи, политика Швеціи могла использовать въ своихъ выгодахъ неприязнь великихъ міра сего на благо себѣ, но теперь, когда общій курсъ политики этихъ державъ принялъ какъ разъ противоположное направленіе, ей трудно будетъ базироваться на остаткахъ угаснувшей вражды, ища поддержки со стороны Германіи, и въ концѣ концовъ придется волей-неволей обосновать свой курсъ на новыхъ началахъ солидарности реальныхъ интересовъ съ своими ближайшими, вполнѣ миролюбивыми и дружелюбными сосѣдами.

Въ Государственной Думѣ.

32-е засѣданіе Гос. Думы, 27 февраля, ознаменовалось первымъ выступленіемъ съ большой парламентской рѣчью министра иностранныхъ дѣлъ, гофм. А. П. Извольскаго.

Разсматривался законопроектъ о преобразованіи миссіи въ Токио—въ посольство. Основаніемъ къ такому преобразованію послужило заявленное японскимъ правительствомъ, при заключеніи портсмутскаго договора, намѣреніе возвести своего представителя при русскомъ дворѣ въ рангъ посла. Комиссія законодательныхъ предположеній присоединилась къ названному законопроекту.

Фракція октябристовъ (деп. Гучковъ) поддерживала предложеніе бюджетной комиссіи понизить содержаніе посла съ 60-ти до 50-ти тыс. руб. и предлагала утвердить законодательнымъ путемъ только штаты, связанные съ опредѣленными должностями, а расходы канцелярскіе и на церковныя нужды провести бюджетнымъ путемъ. Тотъ же ораторъ, остановившись на быстромъ экономическомъ завоеваніи японцами не только Кореи, но и Манчжуріи и части Монголіи, грозящемъ едва ли не полнымъ разложеніемъ Китая, просилъ представителя правительства разъяснить Гос. Думѣ истинное положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ и отношеній нашихъ къ Японіи.

Деп. Келеповскій (пр.) въ рѣзкой формѣ высказался противъ законопроекта, указывая на то, что министерство иностр. дѣлъ привело Россію къ Цусимѣ, что миссія въ Токио обходится слишкомъ дорого — въ 2 милліарда рублей, что дипломаты изъ «инородцевъ» занимаютъ лишь «натираниемъ» паркетовъ; однако ораторъ, постоянно останавливаемый председательствовавшимъ, кн. Волконскимъ, сошелъ съ трибуны, не окончивъ своей рѣчи. Послѣ него на трибуну вступилъ министръ иностр. дѣлъ Извольскій.

Раньше всего министръ остановился на вопросѣ о содержаніи посла. Надо всемірно беречь народныя деньги, — говорилъ онъ, — но данный случай для этого не пригоденъ. Министерство нуждается въ коренномъ преобразованіи, и когда это преобразование будетъ намѣчено и въ Гос. Думу будетъ представленъ проектъ новыхъ штатовъ, — Дума убѣдится, что содержаніе, получаемое нашими послами, не только нельзя признать слишкомъ высокимъ, но иногда оказывается даже недостаточнымъ. Высказываемая противъ министерства нареканія ни на чемъ не основаны, и наши дипломатическіе представители никогда не уменьшали въ своихъ донесеніяхъ значенія Японіи и постоянно указывали на желательность притти съ нею къ мирному соглашенію и размежеванію взаимныхъ интересовъ.

Сущность же настоящихъ нашихъ отношеній къ Японіи министръ изложилъ, съ разрѣшенія Государя Императора, слѣдующимъ образомъ. Портсмутскій договоръ лишь намѣтилъ общія основанія будущихъ спеціальныхъ соглашеній между Россіей и Японіей, а именно торговаго трактата, рыболовной конвенціи и конвенціи о соединеніи желѣзныхъ дорогъ. Переговоры по этимъ тремъ предметамъ протекали при тревожномъ настроеніи, вызывавшемся полною неопредѣленностью нашихъ политическихъ отношеній къ Японіи; для обезпеченія прочнаго мира и огражденія жизненныхъ интересовъ Россіи нужно было измѣнить общую постановку этихъ отношеній. 15 іюня 1907 г. въ Петербургѣ было подписано, въ дополненіе къ торговому договору и названнымъ двумъ конвенціямъ, соглашеніе общаго политическаго свойства, заключающее въ себѣ обязательство между Россіей и Японіей уважать какъ взаимную территориальную неприкосновенность, такъ и всю совокупность договорныхъ правъ, опредѣляющихъ положеніе обоихъ государствъ въ Азіи. Почти одновременно Франція заключила съ Японіей весьма схожее съ нашимъ политическое соглашеніе, и прошлымъ же лѣтомъ состоялось соглашеніе между Россіей и Англіей, союзницей Японіи, по нѣкоторымъ спеціальнымъ среднесазиатскимъ вопросамъ. Другія державы, заинтересованныя въ дѣлахъ Дальняго Востока, — Германія и Соед. Штаты, съ которыми мы находимся въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, — также стремятся къ одной съ нами цѣли: созданію устойчиваго равновѣсія и прочнаго мира въ бассейнѣ Тихаго океана. И этой сѣтью международныхъ соглашеній создана политическая атмосфера, благоприятная какъ спеціально для Россіи, такъ и для всеобщаго спокойствія. «Отнынѣ Россія съ особенною ясностью будетъ сознавать, что въ предѣлахъ своихъ азиатскихъ владѣній она обладаетъ неприкосновеннымъ историческимъ наслѣдіемъ; что всякая опасность, могущая угрожать этимъ владѣніямъ, есть опасность для всего русскаго государства; что поэтому высшая обязанность Россіи — приложить всѣ свои силы къ упорному за собою и къ всестороннему развитію этихъ владѣній...»

Отъ имени к.-д. партіи деп. Милуковъ привѣтствовалъ первое выступленіе министра иностр. дѣлъ передъ представительствомъ страны и высказалъ, при аплодисментахъ лѣвой и центра, надежду на то, что дальнѣйшія выступленія его въ Гос. Думѣ спасутъ страну отъ внимательства неотвѣтственныхъ дипломатовъ въ регулярную дѣятельность дипломата. Однако ораторъ указалъ, что успѣхами Японіи въ Корей и въ Южной Манчжуріи уже нарушено то равновѣсіе, которое установлено договоромъ, и мы далеко еще не обезпечены на Дальнемъ Востокѣ, а потому не должны предпринимать такого рода шаги въ политикѣ на Ближнемъ Востокѣ, которые привели бы насъ въ ближайшемъ будущемъ къ затрудненіямъ.

Голосованіемъ законопроектъ принятъ съ поправками фракціи 17 октябри.

Въ томъ же засѣданіи началось обсужденіе законопроекта объ условномъ досрочномъ освобожденіи, продолжавшееся и въ слѣдующихъ двухъ засѣданіяхъ — 33-мъ и 34-мъ. Сущность законопроекта

1) П. Дм. Войнаровский, директор Электротехнич. института и председатель бюро съезда. 2) П. С. Осадчи, профессор института, член бюро. 3) А. А. Франк, профессор института. 4) Л. И. Толочко, член бюро. 5) Н. Л. Семенович, член бюро. 6) А. И. Кузнецов, член бюро. 7) А. А. Новик, член бюро. 8) Е. Н. Дьяков, член бюро. 9) В. Я. Давидов, член бюро. 10) Б. Г. Евангулов, член бюро. 11) Л. И. Станевич, секретарь съезда. 12) В. П. Вышков, член бюро. 13) В. В. Давидов, член бюро. 14) А. А. Кузнецов, член бюро. 15) А. М. Шергазе, член бюро. 16) С. Ф. Яндов, член бюро. 17) Ф. К. Гейно, член бюро.

Всероссийский съезд инженеров-электриков. Группа членов съезда. Участники заседания 26 февраля с. г. в здании Электротехнического института.

По фот. К. Булгак пвт. «Нинд».

сводится къ следующему. Въ цѣлихъ исправленія преступниковъ, чтобы понудить ихъ къ хорошему поведенію и привести къ добровольному подчиненію тюремному режиму, развитію этимъ путемъ привычку къ регулярной жизни, — вводится досрочное освобожденіе преступниковъ, хорошо ведшихъ себя въ тюрьмѣ, по отбытіи ими $\frac{3}{4}$ общаго срока заключенія; но освобожденіе это обусловливается хорошимъ поведеніемъ ихъ на свободѣ, въ теченіе опредѣленнаго періода времени, при существованіи надзора со стороны тѣхъ или другихъ органовъ власти. При наказаніи крѣпостью и краткосрочнымъ арестомъ досрочное освобожденіе не примѣняется, въ первомъ случаѣ — потому, что въ крѣпость заключаются лица, не подлежащіе исправленію, виновныя въ совершеніи тѣхъ или другихъ преступленій безъ наличности позорящихъ ихъ мотивовъ и соображеній, а во второмъ случаѣ — именно по краткосрочности заключенія.

Министръ юстиціи, т. с. И. Г. Щегловитовъ лично защищалъ преимущества системы условнаго досрочнаго освобожденія передъ системой досрочнаго освобожденія безусловнаго, недостатки которой заключаются въ томъ, что ошибки, могущія произойти при ея примѣненіи, являются уже непоправимыми, и что освобожденный въ порядкѣ безусловнаго досрочнаго освобожденія остается предоставленнымъ самому себѣ, несмотря на рѣзкость перехода отъ абсолютной несвободы къ абсолютной свободѣ. Министръ отмѣтилъ также необходимость содѣйствія широкому развитію общества патроната, обязать разработать законопроектъ о восполненіи такимъ обществомъ изъ средствъ госуд. казначейства и утвердить возможно скорѣе нормальный уставъ для нихъ.

За принятіе законопроекта высказались фракція 17 октября и партія, столпящая лѣвѣ ея. Деп. Максудовъ (мус.) предложилъ учредить въ тюрьмахъ особую должность наблюдателей, подчиненныхъ не тюремному начальству, а непосредственно министерству, которые ежедневно слѣдили бы за поведеніемъ заключенныхъ и регулярно записывали бы всѣ ихъ поступки. Деп. Аджемовъ (к.-д.) указалъ на то, что въ странахъ, примѣняющихъ условное досрочное освобожденіе, $\frac{1}{10}$ рецидивовъ падаетъ съ 30 (въ Россіи) до 8% (Англія) и 4% (Пруссія), и что съ уничтоженіемъ тѣхъ препонъ, которыя стоятъ на пути къ широкой самостоятельности общества, у насъ быстро разовьются общества патроната.

Фракція с.-д. (деп. Гегечкори) заявила, что воздержится отъ голосованія, такъ какъ въ основѣ преступности лежитъ не злая воля, а глубокія социальныя причины, и только послѣ устраненія этихъ условій можно вводить институтъ условнаго досрочнаго освобожденія.

Въ рядахъ противниковъ законопроекта оказались исключительно представители правыхъ партій. Онѣ кажутся гуманными, — говорили деп. Марковъ 2-й, гр. Бобринскій 1-й и др., но дѣло не въ гуманности, а въ томъ, чтобы скорѣе опорожнили переполненныя тюрьмы. Подъ видомъ условнаго освобожденія предлагается безусловное. — потому что кто же будетъ слѣдить за поведеніемъ освобожденныхъ, когда общества патроната у насъ нѣтъ, а земскимъ начальникамъ та-

А. И. Чупровъ, известный экономистъ (1842—1908). По фот. авт. «Нивы».

срочномъ освобожденіи рѣчь идетъ не объ ослабленіи репрессій, но объ устраненіи излишней жестокости по отношенію людей, проникнутыхъ сознаніемъ тяжести совершеннаго преступленія и исправившихся, а еще болѣе—по отношенію къ ихъ семьямъ. Но далѣе министръ добавилъ, что законопроектъ покоится на потребностяхъ, вытекающихъ изъ теперешняго тюремнаго быта. Во всѣхъ нашихъ мѣстахъ заключенія могутъ помѣститься 100—110 тысячъ арестантовъ; между тѣмъ въ настоящее время ихъ находится тамъ болѣе 150 тыс. Тюремный надзоръ не заслуживаетъ подозрѣнія въ корыстныхъ соображеніяхъ, а между тѣмъ въ настоящее время онъ пользуется правомъ безусловнаго досрочнаго освобожденія арестантовъ,—иными словами, законопроектъ, передающій право условнаго досрочнаго освобожденія въ руки суда, вносить безспорное улучшеніе въ теперешнее положеніе.

Отклонивъ предложеніе передать весь законопроектъ со всѣмъ имѣющимся матеріаломъ (предложено множество поправокъ) въ комиссію, Гос. Дума приняла предложенный деп. Любомъ (окт.) переходъ къ постановленію чтенію слѣдующаго подержанія: «Признавая, что цѣль государства—не только наказывать, но и исправлять осужденныхъ, что участіе общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью необходимо, что это участіе можетъ, между прочимъ, выразиться въ благотворной дѣятельности патронатовъ, для организаци и развитія коихъ общественная инициатива должна найти самую широкую поддержку со стороны правительства путемъ поощренія и помощи денежныхъ пособій,—Гос. Дума переходитъ къ постановленію чтенію».

По старинѣ (Рис. на стр. 201).

Картина худ. В. А. Плотникова вводитъ насъ въ сокровенный міръ раскольниковъ обрядовъ и повѣрій, не всегда доступныхъ постороннему глазу. Предъ нами раскольникъ начетчица, совершающая одинъ изъ обрядовъ около своей святыни. Въ чистомъ сарафанѣ, съ расшитымъ платкомъ на головѣ, строгая старуха куритъ ладаномъ и тихо шепчетъ молитвы. Старинный обрядъ этотъ переходитъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ.

Талантливому художнику удалось очень живо схватить характерную фигуру начетчицы, ея строгія, «византійскія» черты и медлительную важность ея движеній.

За стѣной. (Рис. на стр. 204).

«Стѣны слышать»—говоритъ арабская пословица. Мало того,—стѣны видятъ и говорятъ. Еще во времена древнихъ римлянъ была известна «Staterii paries»—стѣна Статерія, за которой подслушивали его разговоры о планахъ государственнаго переворота. Предъ нами—яркая картина XV вѣка, иллюстрирующая одинъ изъ послѣднихъ дней жизни Жанна д'Аркѣ. За этими «зрячими» стѣнами томится великая затворница, смущавшая своихъ преслѣдователей безстрашиемъ безмолвіемъ въ отвѣтъ на всѣ ихъ обвиненія и разспросы. По повелѣнію епископа Шьера Кошона, главнаго судьи Орлеанской дѣвы, были поставлены за стѣной ея темницы монахи, неустанно наблюдавшіе въ потайныя амбразуры за каждымъ ея движеніемъ, чутко прислушивавшіеся къ каждому ея вздоху. Какъ

какая оека не подь силу, Да и гарантіи въ томъ, что будутъ освобождаться дѣйствительно заслуживающіе того преступники, тоже нѣтъ, такъ какъ власти должны будутъ вѣрить на слово тюремному начальству, а послѣднее будетъ постоянно подчиняться давленію извнѣ. Наконецъ, досрочное освобожденіе не будетъ одобрено народомъ, желающимъ, въ своей массѣ, усиленія строгости уголовныхъ репрессій.

Рѣзкія нападки правыхъ вызвали желаніе министра юстиціи въ 33-мъ засѣданіи Гос. Думы, 1 марта, дать нѣкоторые дополнителныя объясненія. Министръ подчеркнул, что въ условномъ до-

извѣстно, всѣ ихъ старанія были тщетны. Жанна д'Аркѣ свято и безстрашно взшла на костеръ и 30 мая 1431 г. предала духъ свой въ руки Праведнаго Судьи.

Парсифаль. (Рис. на стр. 210).

Парсифаль, или Персеваль—герой старинной романской легенды, разработанной двумя известными писателями средневѣковья: Вольфрамомъ Эшенбахомъ—по-нѣмецки и Кю (Гюйо)—по-французски. Въ обоихъ вариантахъ Парсифаль является сыномъ нѣкоего знаменитаго рыцаря, погибшаго на турнирѣ. Мать Парсифаля, не желая, чтобы сынъ тоже пошелъ по этой опасной дорогѣ, воспитала его въ глухомъ лѣсу, вдали отъ людей и отъ рыцарскихъ обычаевъ. Юноша жилъ въ полномъ уединеніи и занимался охотой на птицъ. Но вотъ однажды онъ встрѣтилъ въ лѣсу потеряннаго рыцаря и пожелалъ самъ стать рыцаремъ. Онъ покинулъ мать и отправился къ блестящему двору короля Артура.

Дальнѣйшая жизнь Парсифали представляетъ собою длинный рядъ всевозможныхъ подвиговъ. Между прочимъ онъ спасъ отъ гибели престарѣлаго короля, который обладалъ кубкомъ святого Грааля (чаша, изъ которой, по преданію, Спаситель приобщалъ учениковъ на тайной вечери). По смерти короля обладателемъ этого сокровища сталъ Парсифаль. Послѣдніе годы своей жизни онъ проведъ опять въ пустынѣ и въ отшельническомъ подвижничествѣ, а послѣ его кончины святая чаша, по словамъ легенды, была чудеснымъ образомъ взята на небо.

Картина худ. Ф. Шталя изображаетъ юнаго Парсифала въ лѣсу, надъ убитымъ имъ лебедемъ.

Сюжетъ этой легенды, какъ извѣстно, былъ обработанъ и развитъ Вагнеромъ въ одной изъ его оперъ («Парсифаль»). Кое-какіе намеки на него имѣются также и въ другой его оперѣ—«Лоэнгринъ».

Страдивариусъ въ своей мастерской. (Рис. на стр. 211).

Имя Антоніо Страдивариуса въ глазахъ каждаго музыканта окружено особеннымъ ореоломъ. Страдивариусъ—геній скрипки. Инструменты, сработанные этимъ знаменитымъ мастеромъ, отличаются необыкновеннымъ тономъ, и невозможно установить, какими способами Страдивариусъ добивался такого результата. Его скрипки донинѣ не знаютъ конкуренціи и дѣются на весь золота.

Страдивари, или Страдивариусъ, какъ онъ подписывался, жилъ въ Италіи съ 1644 по 1737 годъ. Подробныхъ свѣдѣній о его жизни не имѣется. Извѣстно лишь, что онъ былъ ученикомъ тоже знаменитаго Амати. Скрипки онъ сталъ дѣлать приблизительно съ 1700 г. и наилучшія изъ нихъ были имъ сработаны въ періодъ между 1700 и 1725 годами.

А. И. Чупровъ. (Портр. на этой стр.).

Русская высшая школа и наука понесла незамѣнимую утрату. 24 февраля с. г. въ Мюнхенѣ внезапно скончался известнѣйшій нашъ экономистъ и популярнѣйшій профессоръ Московскаго университета, Александръ Ивановичъ Чупровъ.

Имя А. И. Чупрова принадлежитъ къ

числу тѣхъ рѣдкихъ именъ, которые окружены какимъ-то особымъ ореоломъ сердечной любви и искренняго горячаго уваженія. Подобно имени Грановскаго, оно хранитъ на себѣ отпечатокъ высшей, идеальной человѣчности, озаряющей цѣлыя поколѣнія. А. И. Чупровъ былъ не только профессоръ, ученый, экономистъ, писатель... Это былъ прежде всего человѣкъ—въ самомъ высокомъ и благородномъ значеніи этого слова. И трудно рѣшить, что плодотворнѣе вліяло на его учениковъ—его ли ученныя лекціи, или его гуманизирующее, человѣческое отношеніе къ нимъ. Въ тяжелые годы

Д. Д. Покотиловъ, російскій чрезвычайный посолъ и полномочный министръ въ Китаѣ (1865—1908). По фот. авт. «Нивы».

морального распада нашей высшей школы А. И. Чупровъ оставался однимъ изъ немногихъ устоевъ, которые еще поддерживали былыя добрыя традиціи университета. Онъ былъ почти единственнымъ профессоромъ, продолжавшимъ жить душою въ душу съ студенческой молодежью. Это былъ кумиръ молодежи, въ полномъ смыслѣ этого слова.

А. И. Чупровъ родился въ 1842 году въ Масальскѣ (Калужской губерніи) и сначала поступилъ въ духовную академію. Позднѣе онъ перешелъ на юридическій факультетъ Московскаго университета и, по окончаніи въ немъ курса, былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ политической экономіи и статистики.

Въ 1874 году А. И. Чупровъ занялъ эту кафедру уже въ качествѣ профессора. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ участвовалъ въ комиссіи по изслѣдованію желѣзнодорожнаго хозяйства, а въ 1888 году—въ комиссіи по изслѣдованію причинъ паденія цѣнъ на зерновой хлѣбъ. Тогда же онъ издалъ изслѣдованіе «Объ упорядоченіи тарифовъ по перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ» и выпустилъ въ свѣтъ свой крупный трудъ: «Товарные склады и ихъ значеніе» и цѣлый рядъ другихъ подобныхъ работъ.

Другая крупная заслуга А. И. Чупрова заключается въ его трудахъ по организаціи земской статистики. Въ 1883 году онъ былъ избранъ предсѣдателемъ статистическаго отдѣленія московскаго юридическаго общества и сдѣлалъ это отдѣленіе центромъ земской статистики, руководя отсюда дѣятельность земскихъ статистиковъ по всей Россіи.

Главнѣйшимъ научнымъ трудомъ А. И. Чупрова считается его «Политическая экономія» и «Исторія политической экономіи». Это—блестящія сочиненія, одинаково значительныя какъ по богатству содержанія, такъ и по убѣдительности и доказательности выдвигаемыхъ тезисовъ. Покойный профессоръ является въ нихъ убѣжденнымъ защитникомъ бытовыхъ формъ нашего землевладѣнія и земельной общины и рѣшительно высказывается противъ ея уничтоженія.

А. И. Чупровъ читалъ лекціи преимущественно въ Московскомъ университетѣ. Но кромѣ того онъ профессорствовалъ и на Высшихъ Женскихъ курсахъ.

Лекціи А. И. Чупрова производили впечатлѣніе настоящихъ литературныхъ произведеній: такъ блестящіе и совершенные онъ были по духу и формѣ.

Смерть его произвела на все русское общество тяжелое впечатлѣніе.

Д. Д. Покотиловъ. (Портр. на стр. 215).

Русскій дипломатическій міръ понесъ серьезную утрату. 23 февраля с. г. въ Пекинѣ скончался русскій посолъ Дмитрій Дмитріевичъ Покотиловъ.

Кончина Д. Д. Покотилова является столько же неожиданной, сколько и тягостной для всѣхъ тѣхъ, кто былъ знакомъ съ его дипломатической дѣятельностью. Покойный былъ человекъ большого ума и энергіи и прекрасно зналъ ту страну, въ которой онъ являлся официальнымъ представителемъ Россіи.

Д. Д. Покотиловъ родился въ 1865 году. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ (по восточному факультету) онъ началъ свою служебную карьеру въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и былъ командированъ въ Китай. Въ 1893 году покойный перешелъ на службу въ канцелярію министра финансовъ, гдѣ и сталъ во главѣ вновь образованнаго тогда отдѣленія, вѣдавшаго дѣлами Японіи и Кореи. А когда, въ 1895 году, былъ учрежденъ Русско-Китайскій банкъ, Д. Д. Покотиловъ занялъ должность директора этого банка и уѣхалъ опять въ Китай для организаціи новаго учрежденія на мѣстѣ.

Въ 1900 году Д. Д. Покотилову пришлось, на ряду съ другими жившими въ Пекинѣ европейцами, перенести осаду этого города боксерами. Осажденные находились тогда въ крайне тяжкомъ положеніи. Китайскія гранаты иногда разрывались въ томъ самомъ домѣ (англійской миссіи), гдѣ жилъ покойный. Приходилось голо-

дать и подвергаться всякимъ лишеніямъ, но Д. Д. Покотиловъ не смущаясь, спокойно выжидалъ того или другого конца и даже находилъ возможнымъ вести подробный дневникъ «пекинскаго сидѣнья».

Въ 1905 году скончался русскій посланникъ въ Пекинѣ, Лессаръ, и Д. Д. Покотилову было предложено занять его постъ. Выборъ новаго посланника оказался чрезвычайно удачнымъ. Глубокій знатокъ Китая, его языка и установленій, Д. Д. Покотиловъ былъ какъ нельзя болѣе на мѣстѣ въ этой новой для него должности. Природный же умъ, тонкій тактъ и исключительная энергія и работоспособность еще болѣе помогали ему съ честью носить высокое званіе посланника.

Покойный не былъ чуждъ литературной дѣятельности. Изъ его литературныхъ произведеній особенно слѣдуетъ упомянуть «Историю восточныхъ монголовъ въ періодъ династій Минъ». Пользуются также хорошо извѣстностью и другіе его труды: «1-й. его прошлое и настоящее», «Корея и японско-китайское столкновение» и «Китайскіе порты, имѣющіе значеніе для русской торговли на Дальнемъ Востока».

Л. Н. Аванасевъ. (Портр. на этой стр.).

10 марта исполнилось двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности извѣстнаго поэта, Л. Н. Аванасева.

Л. Н. родился въ 1864 году въ Новой Ладогѣ. Образованіе онъ получилъ въ евангелическо-лютеранскомъ училищѣ св. Анны въ Петербургѣ и уже на школьной скамьѣ сталъ заниматься литературнымъ творчествомъ. А на 18-мъ году жизни, т.-е. въ 1882 году, Л. Н. Аванасевъ уже дебютировалъ въ печати: въ этомъ году его стихи впервые появились на страницахъ журналовъ («Свѣтъ» и «Живописное Обозрѣніе»).

Съ той поры и до послѣдняго времени Л. Н. Аванасевъ продолжалъ свою литературную дѣятельность. Трудно указать другого, такого же трудолюбиваго и плодовитаго поэта, какъ юбиляръ. Не ограничиваясь какимъ-либо опредѣленнымъ кругомъ журнальной прессы, Л. Н. Аванасевъ участвуетъ, буквально, во всѣхъ журналахъ, которые предоставляютъ свои страницы поэзии. Онъ сотрудничалъ и сотрудничаетъ въ огромномъ рядѣ повременныхъ изданій, въ томъ числѣ и въ нашемъ журналѣ.

Въ 1896 году вышелъ въ свѣтъ первый сборникъ стихотвореній Л. Н. Аванасева, въ 1901 году—второй, а въ настоящее время талантливый авторъ готовится къ печати третій томъ своихъ стихотвореній.

Какъ поэтъ, Л. Н. Аванасевъ обладаетъ весьма значительно развитымъ чувствомъ музыкальности. Это поэтъ-музыкантъ, если

можно такъ выразиться,—поэтъ, заставляющій свои слова звучать настоящими гармоническими ладами. Его стихи необыкновенно пѣвучи, и, конечно, этимъ и объясняется то обстоятельство, что очень многіе изъ нихъ положены на музыку. О Л. Н. Аванасевѣ мало сказать, что у него прекрасна форма стиха, и что онъ хорошо владѣетъ техникой стихосложенія. Помимо техники онъ постигъ тайну словесныхъ созвучій, которая не всегда дается даже при самомъ щепетильномъ соблюденіи внѣшней правильности стихосложенія.

Юбиляра слѣдуетъ причислить къ лирикамъ чистѣйшей воды. Онъ пишетъ преимущественно небольшія вещицы: картинки природы, отзвуки мгновенныхъ настроеній, изліянія чувства. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ чувствуется отблескъ философіи, т.-е. нѣкоторыхъ обобщеній въ области познаваемаго и неизвѣстнаго.

Л. Н. Аванасевъ упорно идетъ своею собственной дорогой, не обольщаясь никакими новизнами и направленіями. Онъ соблюдаетъ добрыя традиціи здоровой и сильной пушкинской школы, оставаясь всегда яснымъ и чистымъ въ своемъ поэтическомъ міросозерцаніи и творчествѣ.

Пожелаемъ ему на долгіе годы дальнѣйшей, столь же продуктивной, художественной дѣятельности.

Л. Н. Аванасевъ (по случаю 25-лѣтія литературной дѣятельности).

По фот. авт. «Нивы».

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Контора журнала «Нива» проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой платы за 1908 годъ, озаботиться **своевременными взносами** подписныхъ денегъ, **согласно условіямъ разсрочки**. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначить на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ**.

Содержаніе.

Т Е К С Т Ъ: Стиль грезить. Романъ Ал. Н. Будичева (Продолженіе).—Стих. Л. Дудина.—«Мокрый» и «сухой» мѣстности въ Америкѣ. Очеркъ Ивана Никонова.—Аландскіе острова. (Политическое обозрѣніе).—Въ Государственной Думѣ.—По старинѣ.—За стѣной.—Парсифаль.—Страдивариусъ.—А. И. Чупровъ.—Д. Д. Покотиловъ.—Л. Н. Аванасевъ.—Заявленіе.—Объявленія.
Р И С У Н К И: По старинѣ.—За стѣной.—Соборъ.—Христосъ изгоняетъ торгующихъ изъ храма.—Парсифаль.—Страдивариусъ въ своей мастерской.—Священный «пещеры Бинги» въ Бирманіи (Индія).—Карта «сухихъ» и «мокрыхъ» мѣстностей въ южныхъ штатахъ Сѣв. Америки.—Евросібирскій съѣздъ инженеровъ-электриковъ.—А. И. Чупровъ.—О. Б. Рихтеръ.—Д. Д. Покотиловъ.—Л. Н. Аванасевъ.

Къ этому № прилагается: «Полнаго собранія сочин. Гергарта Гауптмана» кн. 3.

Редакторъ Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. И. Свѣтловъ.

